

ТАМБОВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ.

№ 32-й.

15-го Августа 1909 года.

ТАМБОВЪ.

Электро-Типографія Губернскаго Правленія.

LXX

ГОДЪ.

ТАМБОВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢДОМОСТИ

№ 32

Выходятъ еженедѣльно по субботамъ. Подписка принимается въ Редакціи, при Духовной Семинаріи.

15 АВГУСТА
1909 ГОДА.

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкой 6 р. 25 к. Подписка на время менѣе года и продажа отдѣльных номеровъ не допускаются.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Предложеніе Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго, отъ 7 Августа 1909 г. за № 3220.

Отношеніемъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, отъ 7-го Марта сего года за № 7230, предписано составить на епархіальномъ съѣздѣ духовенства новые списки приходо́въ епархіи, съ распределеніемъ ихъ на три разряда по матеріальному обезпеченію, для назначенія Свѣдѣйшимъ изъ тако-

выхъ приходоу жалованья изъ отпушенныхъ Государственнымъ Казначействомъ средствъ, на основаніи постановленій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, утвержденныхъ Высочайшею властью. Матеріаломъ для составленія сихъ списковъ должны послужить вѣдомости, составленныя по мѣстамъ на благоточиническихъ Совѣтахъ.

Такъ какъ Благочинническимъ Совѣтамъ Тамбовской епархіи уже предписано составить указанна вѣдомости, то нахожу необходимымъ созвать епархіальный сѣздъ депутатовъ духовенства съ 1-го по 7-е Сентября для составленія ими списковъ приходоу епархіи, долженствующихъ получить воспособленіе отъ казны.

Кромѣ этого дѣла, сѣздъ депутатовъ имѣеть заняться вопросомъ объ усиленномъ, замѣчаемомъ въ послѣднее время, распространеніи въ Тамбовской епархіи штундо-баптизма и о мѣрахъ борьбы съ нимъ. Необходимыя для обсужденія сего вопроса свѣдѣнія будутъ своевременно доставлены сѣзду.

Настоящее предложеніе объявить духовенству епархіи чрезъ разсылку указовъ благочиннымъ и напечатаніи его въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Иннокентій Епископъ Тамбовскій.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Опредѣлены: на священническое мѣсто къ церкви с. Жегалова, Темниковскаго у., заштатный священникъ Благовѣщенской епархіи Василій Каверинъ, 7 августа; на діаконское мѣсто къ церкви с. Почкова, Елатомскаго у., псаломщикъ с. Темирава, того же у., Михаилъ Рыбинскій, 2 августа; на псаломщическія мѣста— къ церкви с. Вышенки, Кирсановскаго у., бывший псаломщикъ с. Сакаева, Темниковскаго у., Митрофанъ Васильевъ, 7 августа; къ церкви с. Каменки, Моршанскаго у., окончившій миссіонерско-псаломщическую школу Казьма Карамышевъ, 6 августа.

Перемѣненъ, согласно прошенію, діаконь с. Подгорнаго, Борисоглѣбскаго у., Михайль Лебедевъ на псаломщическую вакансію къ Лазаревской церкви при Носовской богадѣльнѣ въ г. Тамбовѣ, 4 августа.

Освобожденъ отъ священническихъ обязанностей въ с. Оедаевѣ, Шацкаго у., временно туда командированный, заштатный священникъ с. Ваювья, того же у., Іоаннъ Эксталець, 5 август.

Исключается изъ списковъ за смертію псаломщикъ-діаконь Лазаревской церкви при Носовской богадѣльнѣ въ г. Тамбовѣ Іоаннъ Лебедевъ 57 л., умеръ, состоя на службѣ 29 Іюля, въ семействѣ остались жена и двое дѣтей.

Назначены на должности: благочиннаго 3 Моршанскаго округа и. д. священникъ с. Верхней Ярославки *Алексій Чернышевскій* и помощника благочиннаго 4 Моршанскаго округа священникъ с. Каменки *Петръ Трескинъ*.

Уволенъ, согласно прошенію, отъ должности благочиннаго 3 Моршанскаго округа протоіерей с. Сосновки *Василій Рождественскій*.

Архипастырская благодарность.

I.

Объявляется Архипастырская благодарность Его Пресвященства, Пресвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго: прихожанкѣ церкви с. Плоскаго Козловскаго уѣзда, землевладѣлицѣ Маріи *Батраковой* за пожертвованіе въ приходскую церковь церковной утвари на 200 р.; Липецкому купцу Василію *Хрипликову* за пожертвованіе въ церковь с. Хрущевки, Липецкаго уѣзда, полнаго круга богослужебныхъ книгъ и полнаго священническаго и діаконскаго облачений на 300 р.; землевладѣлицу с. Верхней Ярославки Моршанскаго уѣзда *Василію Жмаеву* за пожертвованіе полнаго свя-

щенническаго и діаконскаго облаченій въ церковь с. Верхней Ярославки, стоимостью въ 400 руб., Царскосельской купчихъ *Матрени Фанталовой* за пожертвованіе на череливку колокола с. Сосновки 400 р.; потомственной почетной гражданкѣ *Ольгѣ Каменской* за пожертвованіе иконы Преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца, въ церковь с. Сосновки, стоимостью 100 р.

II.

Вслѣдствіе журнальнаго представленія Тамбовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта отъ 19 іюня с. г. объявляется благодарность Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Епископа Иннокентія, заштатному протоіерею с. Большого Пичаева, Моршанскаго уѣзда, *Платону Богословскому*, за пожертвованіе имъ книгъ на сумму до 250 руб. въ отырываемую при Моршанскомъ Отдѣленіи Епархіальнаго Училищнаго Совѣта бібліотеку для учителей церковныхъ школъ Моршанскаго уѣзда.

СПИСОКЪ

свободныхъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ по Тамбовской епархіи.

Священническія мѣста:

1) При церкви с. Оедяева, Шацкаго у., свободно съ 5 вгуста; причта по штату положено: священникъ и псаломщикъ; земли 30 дес., д. м. п. 666; причтъ получаетъ 400 р. въ годъ жалованья отъ казны.

Діаконскія мѣста:

1) При церкви с. Колтырина, Шацкаго у.
2) При церкви с. Подгорнаго, Борисоглѣбскаго у., свободно съ 4 августа; причта по штату положено: священникъ, діаконъ и псаломщикъ.

Псаломщическія мѣста:

- 1) При Александро-Невской церкви Тамбовской Губернской Земской Больницы.
- 2) При Соборной церкви г. Моршанска.
- 3) При Вознесенской церкви г. Спасска.
- 4) При церкви с. Щербатовки, Елатомскаго у.
- 5) При церкви с. Ново-Никольскаго, Усманскаго у.
- 6) При церкви с. Старой Пичиморги, Спасскаго у.
- 7) При церкви с. Темирева, Елатомскаго у., свободно съ 2 августа; причта по штату положено: два священника, діаконь и два псаломщика, земли 48 дес., д. м. п. 2412.

Отъ Совѣта Черненской двухклассной ц.-пр. школы, Тамбовскаго уѣзда.

Пріемъ учениковъ въ 4-е и 5-е отдѣленія школы будетъ производиться по повѣрочному испытанію 31-го августа с.-г.

Занятія начнутся съ 1-го Сентября.

Завѣдующій школой Свящ. *Алексѣй Романовскій*.

Отъ Тамбовской Духовной Консисторіи.

Тамбовская Духовная Консисторія, на основаніи опредѣленія Св. Синода, отъ 30 апрѣля—15-го іюня 1909 г. за № 3789, въ предупреденіе обращенія среди православныхъ христіанъ молитвенниковъ, не удостоенныхъ цензурнаго разрѣшенія, симъ разъясняетъ духовенству Тамбовской епархіи, а сему послѣднему поручаетъ сдѣлать разъясненіе православной паствѣ, что только тѣ молитвенники могутъ быть въ употребленіи, которые напечатаны въ типографіяхъ духовныхъ учреждений.

Отъ Комитета Тамб. Миссіонерско-псаломщической школы.

Комитетъ Миссіонерско-псаломщической школы симъ объявляетъ, что пріемныя испытанія лицамъ, желающимъ поступить въ Миссіонерско-псаломщическую школу, будутъ производиться 2-го, 3-го и 4-го сентября 1909 года. Испытанія имѣютъ быть по слѣдующимъ предметамъ: по Закону Божию—священная исторія ветхаго и новаго завѣтовъ, по программѣ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ; по церковному пѣнію—знакомство съ распѣвомъ на 8 гласовъ и элементарное знаніе квадратной ноты; по другимъ же предметамъ—русскому, церковно-славянскому языкамъ, ариметикѣ и письму—въ объемѣ программъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Прошенія о пріемѣ въ школу должно подавать на имя Предсѣдателя Комитета, Священника Константина Іоанновича Богоявленскаго, срокомъ отъ 1-го августа по 28 августа. Къ прошеніямъ должны быть прилагаемы слѣдующіе документы: 1) метрическая выпись, 2) свидѣтельство объ образованіи, 3) свидѣтельство о припискѣ къ призывному участію или о явкѣ къ отбыванію воинской повинности, 4) свидѣтельство отъ духовенства или отъ полиціи въ томъ, гдѣ и когда проживалъ и обучался съ 10-лѣтняго возраста до подачи прошенія въ Миссіонерско-псаломщическую школу и какаго поведенія. Желающіе держать экзаменъ должны имѣть не менѣе 17 лѣтъ. Принимаются изъ всѣхъ сословій. Казенно-коштныхъ вакансій не имѣется. Поступившіе въ школу обязаны жить въ общежитіи при школѣ съ платою 80 рублей въ годъ за обученіе и содержаніе въ школѣ. Плата за содержаніе должна производиться въ слѣдующіе сроки: 40 рублей при поступленіи, 20 рублей послѣ Рождественскихъ каникулъ и 20 рублей послѣ Пасхи. Желающіе обучаться игрѣ на фисъ-гармоніи вносятъ впередъ за годъ 7 рубл.

Предсѣдатель Комит., Священ. *Константинъ Богоявленскій.*

Дѣлопроизводитель *М. Покровскій.*

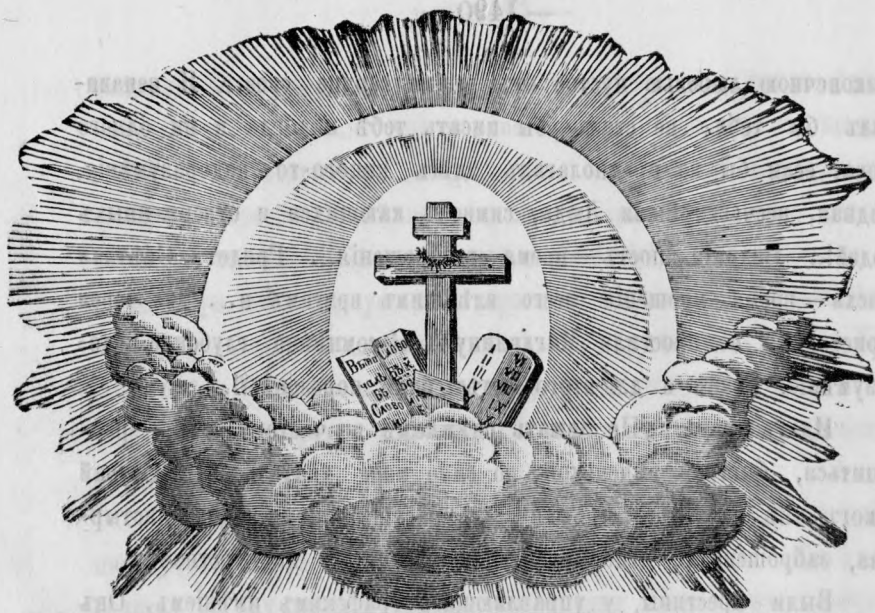

Содержаніе. Отдѣлъ оффиціальный. I. Предложеніе Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго. II. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. III. Архипастырская благодарность. IV. Списокъ свободныхъ священно-церков.-служит. мѣстъ по Тамбовской епархіи. V. Объявленія.

Редакторъ, Секретарь Консисторіи *А. Андріевскій.*

Цензоръ, Протоіерей *И. Успенскій.*

№ 32. ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ | 1909 г.

Изъ пастырской переписки.

(Продолженіе).

4. Отъ о. Петра къ о. Павлу.

21 марта 19... года.

Во всемъ, во всемъ согласенъ съ тобою, дорогой отецъ! Пусть будетъ по-твоему. Больше убѣдилась Вѣра; она давно читала „Бранда“, а поняла глубокой смыслъ его послѣ твоихъ писемъ, и мы порѣшили разъ навсегда остаться среди этихъ корявыхъ меньшихъ братьевъ Христовыхъ. Пусть будетъ по-твоему!..

Но ты тысячу разъ не правъ,—зачѣмъ мнѣ надѣвать розовыя очки, зачѣмъ обманывать себя? Нѣтъ, я буду смотрѣть и на себя и на своихъ сопастырей безъ всякихъ очковъ, открытыми глазами. И прежде всего на тебя. Какая жестокость! Почему ты не простялъ Ляду? Скажи,—чѣмъ объяснить это ледяное безсердечіе? А еще говоришь объ Отцѣ Небесномъ, о Христѣ..., прикрываешь

безконечною любовью, пустое от любви сердце свое... Я ненавижу бы тебя, не стал бы писать тебе никогда и ни одного слова, если бы не предполагал здесь какого-то недоразумения. Бѣдная, несчастнѣйшая Люда, символъ кающихся и отверженныхъ людей!.. Великій постъ—время всепрощенія... Градеть Свѣтлая Пасха—время прощенія всего злѣйшимъ врагамъ и... два іерея Христовыхъ не простили Магдалину... Несомнѣнно, глубокое недоразумѣніе. Развѣ и для этого надѣть очки порозовѣе?!

Идетъ весна. „Не лежать снѣжкамъ во чистомъ полѣ,—растопиться, быстрой рѣченькой во сине море уватиться“... Случай помогъ мнѣ вдуматься въ одну изъ насущнѣйшихъ задачъ пастырства, заброшенную, игнорируемую современнымъ пастырствомъ.

Были крестины у управляющаго графскимъ имѣніемъ. Онъ человекъ умный и начитанный. Въ бесѣдѣ (по твоей формѣ) онъ рассказалъ повѣсть какого-то Серафимова о томъ, какъ одинъ пастырь, всю душу свою вложившій въ дѣло улучшения матеріальнаго быта крестьянства, вывелъ свой приходъ изъ болота вѣчнаго нищенства. Конечно, сравнили современное пастырство...

О, какъ онъ былъ правъ! Вѣдь наше крестьянство гибнетъ отъ невѣжества, отъ незнанія самыхъ примитивныхъ для настоящаго времени методовъ культуры земли; вѣдь соха крестьянская та же, какой Овель библейскій ковырялъ въ первый разъ дѣвственную землю, или, по крайней мѣрѣ, не моложе сохи Микулы Селяниновича. О культурѣ усадебъ и говорить нечего: ни садовъ, ни огородовъ. Фруктовыя крестьяне совсѣмъ не кушаютъ, если не считать купленныхъ нааыцо для ребятшекъ падалицевъ, да на пятакъ гнилого чернослива къ свадьбѣ; овощи—не овощи, а что-то ужасное. Одна картошка, да и та стала рѣдиться плохо... Вотъ она великая задача наша. Весна идетъ. Займусь садоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ. Благослови, отецъ!

И какъ не бранить наше пастырство? Неужели и здѣсь для него работа подневольная, безъ возможности проявить свою ини-

ціativity? Хоть десять розовыхъ очковъ надѣнь, все равно будетъ видна горькая правда: спитъ пастырство, и неизвѣстно, когда и отчего оно проснется... Да проснешься ли ты когда—нибудь, найдешь ли въ себѣ живой воды и могучей силы стряхнуть вѣковую мертвую спячку? Конечно, ты первый будешь прикрывать эту пастырскую непробудную лѣнь красивой одежкой: „Тебѣ извѣстны болѣе трехъ сотъ священниковъ, вѣрныхъ и добрыхъ рабовъ Христовыхъ“... Но покажи мнѣ вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ: гдѣ дѣла, гдѣ пастырская душа, гдѣ Христосъ въ пастырствѣ и пастырство во Христвѣ?..

Впередъ знаю, что ты скажешь: „До садоводства ли теперь пастырству, когда сады Христовы сохнутъ и гибнутъ? До пчеловодства ли ему теперь, когда его пчелки Божія разлетаются въ разныя стороны, по чужимъ пчельникамъ и ульямъ?“ Знаю твой идеализмъ, твои розовыя очки, и непойду за тобой. Я—не зоиль; вѣдь я самъ плоть отъ плоти пастырства и кость отъ костей его: отецъ, дѣдъ, прадѣдъ, братья, дяди, тесть—все или пастыри, или подпаски; вѣдь у меня самого сердце кровью обливается, когда приходится говорить о пастырствѣ безъ розовыхъ очковъ.

Стыдно глаза показать на Божій свѣтъ. Поѣхали мы съ Вѣрой къ тестю. На вокзалѣ и въ вагонахъ одно и то же. Не говорю ужъ про отдѣльныхъ эксцентричныхъ батюшекъ,—семья не безъ уroda. Общіе грѣхи. На вокзалѣ какой-то—„зачѣмъ ты меня, мать, родила?“ —точиль свой языкъ: „у насъ въ церквахъ только и слышно: помолимся... просимъ... продадимъ... во вѣки-ковъ“... Общій хохотъ и поддакиванья толпы слушателей. Отецъ! Да развѣ это не правда? Бѣгомъ, бѣгомъ,—все бѣгомъ. И куда спѣшать? Куда ты спѣшишь, лакущий псаломщикъ, съ своей тарабарщиной, вмѣсто вдохновенныхъ псалмовъ и молитвъ? Куда вы спѣшите, отцы и братіе, съ своими „продадимъ“ и „во вѣки-ковъ“? Отвѣчу: „отъ сна воставъ“, захотѣлось опять спать: „съ миромъ лягу и почию“...

И видитъ Господь, и слышитъ Господь, и терпитъ Онъ, Милостивый!...

Въ вагонѣ какая-то „тетка“ рассказала: „вотъ пришли „попы“... тара, бара, кара, хала... Давай, тетка, двугривенный, да полшрёки овса, да ковригу хлѣба, да горсточку шерстки“... Разказчица такая серьезная, сосредоченная, безъ всякаго намека на неправду... Окружавшіе ее стали разказывать о своихъ „попахъ“ еще хуже, еще ужаснѣе. И хотѣлось мнѣ, чтобы грохотъ поѣзда былъ въ тысячу разъ сильнѣе, чтобы не слышать этихъ ужасовъ о хищническомъ стриженіи и доеніи овецъ словесныхъ. Вмѣсто грохота поѣздъ остановился около полустанка, а овцы роптали-роптали... О, забурлила наша тихая рѣка, выходить изъ береговъ...

Дожолѣ же это будетъ, дорогой отецъ?! Или надѣть очки твои...

5. Отъ о. Петра къ о. Павлу.

25 марта 19... года.

Вѣроятно, мое послѣднее письмо не дошло теперь до тебя, дорогой отецъ, а я пишу тебѣ новое. Необычайное что-то такое сегодня ночью было со мной: сонъ-не сонъ, видѣнье-не видѣнье.

Вчера мы читали вечернее правило. Самъ я не умѣю читать его, -мысли рассыпаются... Читають, обыкновенно, чаще всего или о. діаконъ, или матушка. Вчера читала Вѣра. Собрались къ намъ семьи всего причта, старушки изъ богадѣльни, нѣкоторые сосѣди. Благовѣщеніе! Какой радостный праздникъ! Сколько самыхъ свѣтлыхъ думъ вызываетъ онъ въ душѣ! Прекрасное чтеніе Вѣры, наше подѣванье: „Иисусе, Сыне Божій, помилуй мя!“ Не знаю, въ тѣлѣ я былъ или безъ тѣла...

Кончили. Разошлись. Я легъ и раздумался. Тема все та же, неотступная, какъ кошмаръ, пастырская тема. Какая бы могучая, неодолимая сила Христова, если бы не проклятая *спячка*; горы двигались бы по слову пастырства, если бы оно имѣло съ зерно

горчичное живой, горячей, дѣятельной вѣры. И полюбилъ я его, до конца возлюбилъ... Если бы возможно было расшевелить пастьство ласками и поцѣлуями, надѣлъ бы я за плечи котомку, прошелъ бы всю русскую землю отъ края до края, и ласкалъ бы, ласкалъ... Если бы для пробужденія его потребовалась дубина, — взялъ бы я пудовую дубину и сталъ бы стучать по пастырскимъ сердцамъ: „что спите? вставайте... проснитесь... конецъ приближается“... Если бы для его возрожденія нужна была моя личная жертва, я бы съ пѣніемъ хвалебныхъ гимновъ пошелъ на Голгофу...

Спалъ ли я, или не спалъ, — не знаю. Лампадка привѣтливо мерцала. Вдругъ свѣтъ необычайный освѣтилъ меня, кто-то взялъ обѣ мои руки и сказалъ: „иди за мной!“ Смотрю: Епископъ, нашъ правящій Епископъ, — какъ и всегда такой серьезный, но грустный, въ епитрахили и съ крестомъ въ рукѣ.

Мы вышли. Ночь была темная-темная. Неистовствовала буря: то съ страшной силой она ударялась въ землю, словно, желая сорвать ее съ оси и орбиты да сбросить въ бездны мирового океана; то съ сатанинскимъ гнѣвомъ она бросалась въ небо, словно, вызывая на бой силы небесныя, и черныя тучи въ ужасѣ бѣжали отъ нея въ безпредѣльную даль...

Вотъ мое родное село, мой отчій домъ. Мы вошли. Сердце радостно билось отъ воспоминаній дѣтства и юности... Старикъ священникъ, — мой дада, сидѣлъ задумчиво и, видимо, обдумывалъ проповѣдь. Предъ нимъ былъ листъ бумаги, гдѣ онъ написалъ дрожащей старческой рукой: „претерпѣвнй до конца, той спасенъ будетъ“. Ему что-то мѣшало писать. Вотъ онъ поднялъ было руки, но что-то зазвенѣло, будто лязгъ цѣпей, и руки безпомощно опустились...

Вотъ незнакомое село. Мы вошли въ домъ священника. Это былъ мой товарищъ, о. Егоръ. Онъ также писалъ проповѣдь, и также на бѣломъ листѣ написанъ былъ одинъ и тотъ же текстъ.

„Гора“ не выдержала, упала предъ иконой и застонала: „доколѣ, Господи? Цѣпи, цѣпи... душу заковали!“...

Съ быстротой молніи проносились мы по городамъ и селамъ, многое множество видѣли пастырей, и вездѣ все цѣпи, цѣпи, цѣпи... стоны, рыданія и великое терпѣніе. Въ одномъ сгорбившемся домикѣ лежалъ на смертномъ одрѣ, глубокой, бѣлый, какъ лунь, старецъ-священникъ, скованный по рукамъ и ногамъ кандалами. Звоня кандалами, онъ съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ добрался до стѣны и написалъ на ней кровью своихъ ранъ буквы, и буквы сдѣлались огненными. Было написано два слова: „нынѣ отпущаеши“...

Вотъ безбрежное поле. Буря еще злобиѣ выла и рвалась. Мы остановились. На фонѣ темной ночи я увидѣлъ еще болѣе темный широкій кругъ. Отецъ, отецъ! то были отцы, отцы, отцы и братіе, старые и молодые, больше сотни. Завидя Епископа, они издали подобострастно привѣтствовали его. А онъ становился все грустнѣе и грустнѣе: на груди этихъ отцовъ, вмѣсто крестовъ Господнихъ, висѣли ярлыки: „ложь, ханжество, злоба, предательство“... Всѣ они были безъ цѣпей, самодовольны... Вотъ вдаль показался Степа Могучай; всѣ отцы и братіе, словно сговорившись впередъ, бросились за нимъ съ гикомъ,—кто вдогонку, кто наперерѣзъ, кто спереди растопырилъ руки... Откуда-то явились кандалы...

— Епископъ! Архіерей Божій! заступись за него... они и его закують...

— Степа, Степа, Могучай! сюда, сюда! Плакалъ я изо всей мочи, отъ страха прижавшись подъ десницу Епископа.

Не поймали они Степу. Онъ совсѣмъ обезсиленный упалъ у ногъ Епископа. Лжепастыри готовы были и здѣсь разорвать его, но Святитель остановилъ ихъ и, выше поднявъ крестъ, ска-

— Лжепастыри! Рабы неключимые! Властью, данною мнѣ Пастыреначальникомъ, предаю васъ анаемѣ. Анаеема!...

И вдругъ понесся стройный хоръ и бури, и тучъ, и снѣга, и проталинъ: анаеема, анаеема, анаеема!..

Я очнулся. Лампадка привѣтливо мерцала. Раздался первый ударъ благовѣста къ утрени. Упавши предъ святой иконой, я заплѣлъ: „Днесь спасенія нашего главизна“... Вѣра стала подиѣвать мнѣ: „и еже отъ вѣка таинства явленіе“...

Не знаю, въ тѣлѣ я былъ или безъ тѣла. Отецъ! боюсь... себя боюсь... тебя боюсь... Вѣры боюсь... Лельки-своего ребенка боюсь!..

6. Отъ о. Павла къ о. Петру.

18 апреля 19... г.

Христосъ воскресе, молодой другъ мой, пламенный мой! Многому удивляюсь я въ обоихъ твоихъ письмахъ, полученныхъ мной въ одинъ день, вѣроятно, по случаю весенней распутицы. Почему ты до сихъ не выработалъ системы что-ль для своей пастырской дѣятельности? Ты всемъ увлекаешься, или, вѣрнѣе, все и всѣ тебя увлекаютъ. Сегодня ты увлеченъ бесѣдами съ пѣніемъ, вчера сценой съ „лицедѣйствомъ“, завтра садоводствомъ съ пасѣкой, послѣзавтра тебя графскій управляющій увлечетъ вмѣсто какого-то Серафимова какимъ-нибудь еще Суеслововымъ, и все ты близко къ сердцу принимаешь, все хотѣлось бы тебѣ воплотить въ жизнь, въ дѣйствительность. О садоводствѣ съ пасѣкой я тебѣ напишу послѣ, большой и серьезнѣйшій вопросъ. Но почему ты не предложилъ „оч. умному и начитанному управляющему“ встрѣчный вопросъ: хорошо-де, мы пастыри ничего не сдѣлали для крестьянства; но вы-то что же спите? У васъ вѣдь есть вся полнѣйшая возможность завести и садовыя школы, и образцовыя огороды съ пасѣками, и всякое рациональное хозяйство. Почему же вы все строите, исключительно,

на торговых началахъ, эксплуатируя всячески беззащитную крестьянскую силу, не давая крестьянству ничего, ничего, кромѣ житейскихъ примѣровъ самаго отрицательнаго, развращающаго характера?..

О, нѣтъ! Я вовсе не совѣтую тебѣ входить въ бесполезныя словесныя препирательства, но къ случаю, въ видѣ апологіи пастырства, не мѣшаетъ спокойно сказать нашимъ критикамъ сущую правду. Всякую бѣду валять на голову пастырства. Во время оно я былъ земскимъ гласнымъ. На земскомъ собраніи разбирался вопросъ о коневодствѣ, о страшныхъ беспорядкахъ на казенныхъ конскихъ пунктахъ,—и что же? Собраніе единогласно хотѣло постановить, чтобы завѣдующими этихъ пунктовъ были священники. Мой горячій протестъ, что это—не дѣло пастырства, несколько не разубѣдилъ гласныхъ, и пришлось припугнуть... Я тебя спрошу: ну, плохо—преплохо крестьянское хозяйство; пастырство пусть нравственно обязано просвѣтить въ этомъ отношеніи своихъ пасомыхъ. А пожары? повальные болѣзни? поголовныя заразы „милой франціей“? Мосты и гати? Лошади, коровы и проч. животноя? Кафтаны, рубахи и проч. и проч.? Опять пастырство?! Да гдѣ же и что подѣлываетъ интеллигенція, эти г.г. управляющіе, эти г.г. врачи, эти сельскіе просвѣтители до царя влючительно? Пописываютъ, да почитываютъ, да за картами промываютъ наши косточки!.. А о.о. Петры—мученики стараются все обнять, все подѣлать за этихъ своихъ промывателей, изъ кожи лѣзутъ вонъ, до галлюцинацій доводятъ себя... да еще сами же себя бранятъ, на чемъ свѣтъ стоитъ.

Странно было бы съ твоей стороны предположить, что я иду противъ твоихъ образцовыхъ огородовъ и пасѣкъ, противъ участія пастырства въ культуртрегерствѣ крестьянской жизни. Всякій порядочный человѣкъ обязанъ всячески помогать своимъ ближнимъ, тѣмъ болѣе пастырь, *но не до забвенія своихъ глав-*

ныхъ обязанностей, ¹⁾ тѣмъ болѣе обязанностей священныхъ, пастырскихъ. Нынѣ, да и всегда это было, много охотниковъ, по своему недомыслию и упорству, желающихъ бы видѣть „духовенство“ людьми безплотными, безъ всякихъ земныхъ требованій и человѣческихъ немощей. Чудаки, право! Кто же и когда, въ какомъ Откровеніи отъ Бога предъявлялось требованіе отъ людей самопожертвованія? Христосъ предлагаетъ, а не требуетъ: „аще хочещи совершенъ быти... больше жэ сея любви никтоже имать... возлюби ближняго своего, яко самъ себе“... Вотъ ты готовъ до самопожертвованія отдаться земнымъ нуждамъ крестьянства. Пусть такъ. А къ примѣру: въ твоей образцовой пасѣкѣ роятся одинъ за другимъ рои, а тебѣ нужно съѣздить за 5—10 верстъ напутствовать умирающую душу, или вынести умершаго, или помолиться въ церкви съ скорбящей душой, или отслужить литургію.... Что ты, дорогой мой, будешь дѣлать съ своими роями, садами, огородами? Наемники будутъ за тебя: около роя — пасѣчникъ, около сада — садовникъ, около огорода — огородникъ и т. д.? Но тогда крестьянство не пойдетъ за тобою; повѣрь, будутъ лукаво говорить: „попу-то хорошо, — у него чужія руки... А намъ когда и какъ“... Я искренно понимаю Ап. Павла. Вотъ онъ пришелъ въ Коринфъ, остановился у Акиллы и Прискиллы и, чтобы не быть въ тягость гостепріимнымъ хозяевамъ, занялся дѣланіемъ покрововъ для палатокъ. А взоры его были не тамъ, сердце его было не тамъ, душа его была полна работой за проповѣдью о Христѣ, ради этой вдохновенной работы онъ могъ всегда и безбоязненно забыть о своихъ палаткахъ и забывать. А ты полагаешь во главу угла своего пастырства садъ и пасѣку и, ради нихъ, забываешь о Христѣ. Подумай: правы ли вы съ своимъ „умнымъ управляющимъ“? Вѣдь писалъ я тебѣ: съѣзди къ о. Кузьмѣ, поучись у него устроить библіотеку свою и крестьянскую жизнь. У него также все образцово: есть и са-

¹⁾ Совершенно вѣрно!

дикъ, и пасѣвка, и огородъ, и породистая скотинка, но въ такомъ размѣрѣ, что со всѣмъ этимъ онъ (управляется самъ,¹⁾ крестьяне же читаютъ книги по всѣмъ отраслямъ своего хозяйства, смотрятъ на примѣръ своего пастыря и бѣгомъ бѣгутъ впередъ. Весной поѣзжай и чудо тамъ увидишь великое. Возьми съ собой и своего „много читающаго“ критика. Авось, замолчитъ.

Ты, дорогой мой, слишкомъ много вниманія удѣляешь слетнямъ и анекдотамъ по нашему адресу. Когда не было этой язвительной клеветы человѣческой? Вотъ о Немъ, о чистѣйшемъ и безгрѣшномъ, злые языки говорили: „бѣса имѣть“, „творить чудеса силою вельзевула“ и т. п. А Онъ говорить намъ: „горе вамъ, если злые будутъ о васъ хорошо отзываться“... Да стоитъ ли обращать вниманіе на людей, которыхъ самъ же ты называешь: „зачѣмъ ты меня, мать, родила?“ Почти о всѣхъ такихъ „язычникахъ“ можно сказать: „мели, Емеля,—твоя недѣля“... Ты помнишь Луку:

Три года я, ребятушки,

Жилъ у попа въ работникахъ:

Малина—не житье!

Попова каша съ маслицомъ,

Поповъ пирогъ съ начинкою,

Поповы щи съ свѣткомъ?

Жена попова толстая,

Попова дочка бѣлая,

Попова лошадь жирная,

Пчела попова сытая...

Такъ искони ведется: собралась кучка крестьянъ,—про кого говорятъ? Про попа, непременно про него несутъ всякія небылицы, и — замѣть,—*любя и уважая его*... „Не сами... по родителямъ мы такъ то“...

¹⁾ Вотъ это и хорошо.

Господи! Развѣ я защищаю непорядки пастырства? Вѣдь, немало такихъ отцовъ и братьевъ, которые вносятъ въ жизнь соблазнъ, одинъ соблазнъ... Отцы! Слышали ли вы слово Христова: „кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили мельничный жерновъ ему на шею и потопили его въ глубинѣ морской“?

Но здѣсь больше, чѣмъ когда-либо, нужно знать мѣру. Чисто-пастырская дѣятельность мало извѣстна міру; если бы міръ зналъ нашу работу, онъ сталъ бы требовать для насъ восьмичасового дня. Для примѣра возьмемъ мой сегодняшний день. Всталъ я въ 4 ч. утра; прочиталъ правило; отслужилъ утреню и Литургію; было погребеніе младенца; домой зашелъ переодѣться и въ приходъ; обошелъ съ молебнами 47 домовъ, какъ разъ до вечера; отслужилъ вечерню; съѣздилъ причастить за 3¹/₂ версты по грязи, на трехногой буланкѣ и на деревенскомъ „велосипедѣ“, хромящемъ на всѣ четыре стороны свѣта бѣлаго... Спасибо, матушка выслала за мной въ деревню свою лошадь, и я вернулся домой за 9 ч. вечера. 17 часовъ работы! Пишу тебѣ, дорогой мой, и отдыхаю душой, съ радостью и удовольствіемъ пишу, а тѣло скрипитъ, скрипитъ по всемъ суставамъ,—мнѣ ужъ за 50!.. И такъ каждый день, почти каждый день, а иногда и побольше. Критики вы наши родимые! Вамъ не видать нашей работы. Похваля съ требой,—видѣли немногіе; былъ два-три часа въ школѣ,—видѣли одни дѣтки; служилъ въ храмѣ въ будни, слышали только благовѣсть; составлялъ поученіе и молился дома,—видѣлъ одинъ Богъ, а критикамъ и не вдомекъ все это суммировать, и орутъ они на весь свѣтъ: „спитъ, бездѣльничаетъ наше пастырство!“ А посуммируйте еще вотъ что. У большинства батюшекъ вашихъ ок. 2000 душъ обоого пола, и почти всѣ они говѣютъ на первыхъ двухъ недѣляхъ великаго поста. Такъ вотъ,—сказать каждому по одному слову, хотя бы на исповѣди, будетъ 1000 словъ, а по два слова... по три... по десяти... Считайте, считайте,

умники-разумники!! Этимъ умникамъ хоть какъ—нибудь и сколько-нибудь извинительно, а тебѣ и помолчать бы не мѣшало, молодой мой другъ!

И секретничать нечего, нужно открыто и громко сказать нашимъ критикамъ правду сущую: этимъ какимъ-то Серафимовымъ, Суесловымъ и всеѣ, т. н., интеллигенціи хотѣлось бы, мечтается, *оторвать насъ отъ дѣла Христова* и сдѣлать насъ садоводами, завѣдующими конскихъ ставокъ, *работниками одной земли безъ заботъ о небѣ, о душѣ человѣческой...*¹⁾ Руки прочь, господа! Во-первыхъ, самимъ вамъ пора за работу взяться, по пословицѣ— „люби ѣздить, люби саночки возить“. Пора, давно пора. Сучекъ вы видите въ нашемъ глазѣ, а бревна, громаднаго дуба въ своемъ не замѣчаете... Во-вторыхъ, если бы мы, слгуну, и могли согласиться съ вашими мечтами, вамъ бы пришлось строить на мѣстѣ cadaго храма тюрьмы, тюрьмы и тюрьмы. Извѣстно ли вамъ, господа милые, что въ 17—20-ти часовой ежедневной работѣ съ совѣстью человѣческой каждый изъ насъ предупреждаетъ тысячи преступленій, иногда, страшныхъ, кровавыхъ, звѣрскихъ. Результаты не замѣтны? И мы виноваты! но больше всего виноваты вы, вы,—тѣ, кто шагъ за шагомъ, и тайно и явно, разрушаете нашу созидательную работу, копаєте ямы подъ ногами крестоносцевъ!...

Упреки „степенной теткѣ“ справедливы. Оправданія здѣсь не умѣстны, не оправдательны. Если смотрѣть поглубже въ исторію пастырства, можно вотъ что сказать. Хожденія по приходу вошли въ обычай давно, сотни лѣтъ тому назадъ, когда въ каждомъ приходѣ было не болѣе 50—100 домовъ, когда не было сокращеній штатовъ; тогда легко было управиться, не спѣша. А теперь, когда 300—400 домовъ нужно обойти въ три-четыре дня (послѣ этого срока прихожане встрѣчаютъ ба-

¹⁾ Серафимовы объ этомъ не думаютъ, но Суесловы могутъ додуматься до такой бессмыслицы....

тѣшекъ съ упреками и недовольствомъ), теперь можно еще удивляться, какъ это еще у батюшекъ движется языкъ выговорить: „тара—бара“...

Однако всѣ эти справки не могутъ служить оправданіемъ для пастырскихъ не порядковъ. Вотъ у тебя только слагается жизнь. Посовѣтуйся съ опытными пастырями, съѣзди же къ о. Кузьмѣ. Онъ сдѣлалъ такъ. Однажды вышелъ на сходъ и урезонилъ прихожанъ, что будетъ обязательно служить по два молебна въ годъ въ каждомъ домѣ, когда кому угодно, не будетъ брать ни ковригъ, ни овса, ничего... Посудили старики и единогласно постановили выдавать причту по два рубля въ годъ съ каждого дома. И вотъ, лѣтъ уже болѣе 15-ти о. Кузьма служитъ каждый день по два—по три молебна, за нѣсколько дней извѣщая прихожанъ: тогда-то и тамъ-то будутъ молебны. Пасхой и на Рождество онъ ходитъ по-очереди порядки своего прихода съ крестомъ: нынѣшній годъ—одинъ порядокъ, на слѣдующій—другой и т. д. ¹⁾

Господи! Я молюсь Ему, мечтаю, кое-что дѣлаю, что-бы упорядочить дѣло пастырства, но многое необходимо перетерпѣть, повременить, а многое простить, простить....

„Сонъ—не сонъ, видѣнье—не видѣнье“... Если это фактъ, опасаясь за тебя,—ты сталъ горѣть не въ пастырскую сторону... Посовѣтуйся со врачами. Если это—поэтическая притча, то мирюсь съ тобой. Сотня изъ 1500 пастырей небольшой и правильный, приблизительно, процентъ! Подумайте, лжепастыри, что васъ ждетъ впереди, что скажетъ вамъ Христосъ?! Подумайте и одумайтесь, пока время есть!.. Но анаематствовать ихъ... да устами и сердцемъ нашего Епископа... Нѣтъ! Я слышу слово Христово: „оставьте расти до жатвы; и во время жатвы я скажу

¹⁾ Прекрасный образъ дѣйствій умнаго батюшки.

жнецамъ"... Знаете ли, что тогда скажетъ Онъ и что сдѣлаетъ съ вами?!

Цѣпи — всевозможныя пастырскія неблагопріятныя условія. Спадутъ онѣ, спадутъ; не такъ быстро, а спадутъ... Онѣ, главнымъ образомъ, скованы нами самими, но спадутъ, спадутъ... Мы не доживемъ до того свѣтлаго времени, а вы и другія подрастающія поколѣнія пастырства...

Подрастающія наши поколѣнія, — вѣра, надежда и любовь наша! Вы доживете, когда спадутъ цѣпи и кандалы съ пастырства. Доживете, только сами не куйте новыхъ цѣпей, а потихоньку и помаленьку, подъ десницей и у ногъ Епископа, расковытайте старня, ржавыя"... Христосъ воскресъ! Веревъ ада разрушены и цѣпи сатаны раскованы!...

Матужкѣ Вѣрѣ передай, что я вполнѣ раздѣляю ея мнѣніе о преступленіи Люды и о судѣ надъ нею. Поѣдетъ она къ Епископу, расскажетъ ему все, испроситъ благословеніе, безъ всякихъ формальностей, приступаетъ къ дѣлу. Я извѣщу ее, Люду, и посоветую ей преклониться предъ новымъ, нравственнымъ судомъ. Пусть матужка Вѣра все и обо всемъ напишетъ мнѣ непосредственно.

Сообщилъ *Петръ Правинъ*.

(Продолженіе будетъ).

Къ свѣдѣнію уважаемой Редакціи. О. Павелъ такъ объясняетъ *темное* мѣсто своего перваго письма (см. № 27 Т. Е. В.). Св. св. Кириллъ и Меодій, предъ отправленіемъ своимъ на проповѣдь къ моравскимъ славянамъ, рѣшили составить славянскую азбуку и перевести книги на славянскій языкъ, потому что, говорили они, „проповѣдывать устно все равно, что писать на песокъ“. Это — аксіома. И все-таки до настоящаго времени пастырство предпочитаетъ проповѣдь устную, мало заботясь

объ учрежденіи въ своихъ приходахъ бібліотекъ. Онъ не отрицаетъ совсѣмъ устной проповѣди, но настаиваетъ, что въ книгѣ всякій можетъ найти все, что ему нужно, когда угодно, при какихъ угодно условіяхъ и даже то, о чемъ въ устной проповѣди, особенно, съ церковной касселы не удобно проповѣдывать (садоводство, животноводство и др.). О. Павелъ настаиваетъ на особенно-усиленной работѣ пастырства: 1) въ школь, 2) въ бібліотекъ-читальнѣ и 3) въ храмѣ.

Петръ Правдинъ.

Отъ Редакціи. Мудрое рѣшеніе Свв. Славянскихъ Провѣдителей дать новокрещеннымъ послѣ живого *слова* писанную книгу возводить въ правило общее нельзя и вельзя утверждать, что *устная* проповѣдь бесполезна. Вѣдь, мы знаемъ, что отъ сотворенія міра до Моисея *не было* книгъ, что Христосъ *училъ* безъ книгъ: Христосъ бесѣдовалъ и давалъ образцы молитвъ. Ученики слушали бесѣды, но въ св. евангеліяхъ съ *дословною точностію* записаны и нагорныя проповѣди, и разъясненіе заповѣдей, и первосвященническая молитва Господа, и всѣ эти бесѣды, притчи, сказанія о чудесахъ не только въ сердце запали, слѣдовательно, но и въ *памяти залегли* эти бесѣды Божественнаго Законоучителя Его, къ тому же еще *взрослыхъ и возмужалыхъ*, учениковъ.

Отсылая автора къ статьѣ, напечатанной въ № 29 Тамб. Еп. Вѣд. 1909 г. и содержащей разъясненіе значенія *устнаго Свящ. преданія*, мы съ удовольствіемъ помѣщаемъ самую маленькую выдержку изъ любопытной статьи талантливаго писателя, г. Меньшикова, помѣщенной въ газ. „Нов. Время“ подъ заглавіемъ: *Учители закона.*

Вотъ что г. Меньшиковъ, между прочимъ, въ ней сказалъ:

Необходимость запоминанія наизусть религіозной догмы чувствовалась съ глубокой древности. Въ теченіе долгихъ вѣковъ

запрещалось даже записывать откровение, напримеръ, въ Индіи. Касты жрецовъ и монаховъ обязывались заучивать и передавать безконечныя повторенія одного и того же текста изъ рода въ родъ. Христосъ не оставилъ писаній. Онъ требовалъ не записей своихъ словъ, а запоминанія. Сократъ не оставилъ писаній, Магометъ не умѣлъ писать вовсе. Коранъ продиктованъ имъ и записанъ на бараньихъ лопаткахъ. Съ виду можетъ показаться, что только книга можетъ формулировать вѣру въ точности. На самомъ дѣлѣ книга является и условіемъ, и препятствіемъ для установленія точнаго текста. Пока слово Божіе передается устно, оно считается величайшей святыней, врученной человѣку, и каждый носитель слова заботится прежде всего о точности. Съ тѣхъ поръ, какъ слово занесено на бумагу, эта забота кажется ненужной. Начинается эпоха комментаріевъ, безконечнаго толкованія текста.

Изъ быта духовенства.

(О к о н ч а н і е).

II. Внѣ священства. (Разсказъ).

1.

Дни становились холоднѣй. Осень давала себя знать. Но природа все также была хороша. Выйдешь на огородъ: конопля стоитъ высокая, дворовъ изъ-за нея не видать; дорожка вся усыяна желтой соломой; на гумнахъ, позади дворовъ, выросли громадины стоговъ ржи и сѣна, возлѣ которыхъ возятся мужики и бабы; тутъ же подбираютъ зерна куры и цыплята; порою попадется и прасукъ съ своимъ товарищемъ, который вопросительно посмотритъ на васъ, выругается, и пойдетъ дальше рыть гдѣ-нибудь землю и гнать отъ себя куръ. За гумномъ уже поле, пустое, безъ колоска ржи, только срѣзанныя колючки торчатъ; желтое—желтое протянулось оно до небснаго свода. Обернешься, пойдешь назадъ—

вниз—заходить солнце, полное, красное; и все, вокруг него, такое-же радостное, свѣтлое, красное: и облако, и небо, и даль горизонта, и края избушек... Смотришь на небо, на самое солнце, и глазамъ не больно: свѣтитъ осеннее красное солнышко, ласкаетъ кругомъ, но не жжетъ и не грѣветъ. Оно прощается съ вами и даритъ послѣднюю, передъ зимнимъ холодомъ, дальнюю ласку...

2.

У отца Павла сидѣлъ за самоваромъ другой отецъ Павелъ, — старый, приземистый. Старый отецъ Павелъ уговаривалъ молодого бросить свою дурную мысль: оставить священство и разстричься.

— Зачѣмъ? Такое великое дѣло, это—священство, и вы вдругъ—бросить! Отцы церкви, мужи святые и праведные, — не пренебрегали имъ, а вы—простите меня—умиѣ ихъ думаете быть?..

Молодой отецъ Павелъ слышалъ это, какъ давно знакомое, давно слышанное. Онъ влялъ себѣ въ стаканъ сахаръ, мѣшалъ и пилъ, и опять слушалъ, и опять пилъ.

— Я не могу... Поймите, я не могу, о. Павелъ, —загорилъ онъ.—Послѣ всего этого—и быть священникомъ!.. Нравственно не могу... Поймите, совѣсть моя запрещаетъ мнѣ имъ быть. Да и по каноническимъ законамъ, по апостольскимъ правиламъ—какой я поць?

...Слушайте. Истинный пастырь долженъ быть истиннымъ и по духу. Чтоже, какой-же я буду пастырь, когда во мнѣ одно лицебріе? Мысли, сомнѣнія тяготятъ мою душу. Какъ облако, обвѣвають онѣ мое сознание и отвлекаютъ меня отъ Бога... О. Павелъ! я... я сомнѣваюсь въ истинности многого!.. Я молюсь, — а самъ.. не о молитвѣ думаю... Я—трость, вѣтромъ колеблемая...

— Вотъ это-то оно и есть!—подхватилъ старичекъ.— Вотъ это-то—отвлеченіе мыслей въ сторону... Ближе къ Богу стали, протививій дѣволу. Онъ и напускаетъ на васъ свои сѣти,

всѣ свои силы напрягаетъ. Вотъ тутъ-то и преодолѣть себя надо; плюнуть въ его сторону— „отойди, моль, отъ меня, сатана: я не твой—Божій“, да всѣ мысли-то его дурныя отогнать. Одумайтесь. Вотъ и теперь онъ васъ отвлечь отъ Бога хочетъ.

—Знаю... Знаю, что вы еще мнѣ скажете! Всѣ ваши доводы знаю. Все знаю. Вы еще про святителя Николая Угодника скажете. Какъ онъ отъ священства бѣжалъ, возвращенъ былъ Богоматерью. Да то—святители!...

—...А главное... Вы знаете... Теперь—не священникъ я. Не могу и быть имъ. Все Преосвященному извѣстно, я такъ и писалъ ему, и лично являлся—тоже говорилъ.— „Покайся духовнику,“ говоритъ. А я не могу такъ. Священникъ долженъ быть честный вдовецъ, одной жены мужъ. А я—по естеству своему этого вынести не могу. Что тутъ говорить!..

Старый о. Павелъ нахмурился, наклонился надъ столомъ, долго смотрѣлъ въ стаканъ, какъ бы тамъ ища себѣ мыслей, и потомъ всталъ.

— Да,—сказалъ онъ.—Если такъ—что и говорить!—

Онъ прошелся по комнатѣ быстро, волнуясь, точно вся его старая долгая жизнь пронеслась передъ нимъ; снова сѣлъ за столъ глянулъ на молодого, бодрого, почти юношу, красавца священника, подумалъ и вдругъ разсмѣялся—искренно, дѣтски, доверчиво.

— Я, другъ мой,—сказалъ онъ о. Павлу,—хорошо тебя понимаю. Вѣрю тебѣ. Всѣмъ твоимъ идеаламъ вѣрю. И по человечеству—по своему слабому, нехорошему человечеству,—прощаю и—грѣшникъ—одобряю твое намѣреніе. Гдѣ тебѣ, такому молодцу, бороться съ искушеніями жизни! А жизнь-то предстоитъ далекая, долгая, одинокая, трудная, трудная... Тутъ-то бы и ко Христу идти и другихъ къ Нему тащить,—да тебѣ-ли?.. Ну—такъ, значить, и отпишемъ Преосвященному, что вотъ, моль, о. Зарѣченскій, послѣ долгихъ моихъ убѣжденій, въ мнѣніи своемъ, оставить священство, остался непреклоненъ.

3.

Павель Петровичъ Зарѣченскій былъ очень доволенъ тѣмъ, что настоялъ на своемъ и снялъ съ себя санъ. Теперь онъ ужъ не священникъ. Какъ-то странно ему показалось быть безъ волосъ, безъ этихъ длинныхъ волосъ, когда онъ шелъ отъ парикмахера.

— Теперь я—разстрига,—думалъ онъ.

Головъ его было холодно. Осенній холодный вѣтеръ дулъ въ его оголенный затылокъ. Онъ ежился въ тонкомъ холодномъ пальтишкѣ и спѣшилъ отъ холоду въ номеръ.

Начался мелкій, холодный, безконечный дождикъ. Было потѣшно, когда мелкія капли дождя били въ подстриженный, почти голый затылокъ—холодно и—щекотало...

Павель Петровичъ прибавилъ шагу. Но дождь не унимался. Почти у самой гостиницы встрѣтилъ онъ Сою Иваницкую, съ которой отъ прѣхалъ въ городъ. Она, подъ зонтикомъ, спѣшила изъ лавокъ съ покунками. Вдвоемъ они вбѣжали, какъ молодые, на верхній корридоръ гостиницы. Соня, смѣясь, дергала дверь номера, а Павель Петровичъ напрасно искалъ въ карманѣ ключъ. Подошелъ корридорный и стперъ дверь.

— А я и забыла,—сказала Соня,—что я его Ивану отдала. Думала—ты безъ меня придешь.

— Ну-ка, ну-ка—говорила она, смѣясь,—снимайка скорѣй шляпу; я посмотрю—какой ты....

— Ого-го!—захохотала она вся въ восторгѣ—какой ты пугачъ сталъ, Ежикъ! Ежикъ! Паша ежикъ! Точь-въ-точь, какъ адвокатъ на судѣ. Я, знаешь, разъ на судѣ была—такъ адвокатъ подсудимаго защищаль—точь-въ-точь какъ ты!.. А—помолодѣлъ! Совсѣмъ мальчишка голоухій!

— Ты пусти меня къ зеркалу, просилъ Павель Петровичъ—я взгляну на себя еще разъ.

— Чего глядѣть-то! Дай-ка я тебя по головкѣ поглажу. Ой, какой ты колючій, право! Вотъ, какъ щетка.

Павель Петровичъ глянулъ въ зеркало и удивился—изъ зеркала на него смотрѣло лицо его младшаго брата.

— Что-жъ теперь, чай что-ль будемъ пить?

— Чай-чай-чай!—затароторила Иваницкая и подбѣжала къ звонку.—Сейчасъ нажму пуговку, и Иванъ придетъ, закажемъ самоваръ, а булки-вотъ они. Самыя лучшія—Толмачевскія, безъ тебя ходила. И посмотри—чего еще купила!...

4.

Утромъ проснулся Зарѣченскій. Было холодно. Изрѣдка благовѣстили. Колоколь чуть доносился: Звукъ тихій, слабый, сельскій. Онъ вскопчилъ съ постели. Въ окно дуло. Земля покрылась бѣлымъ инеемъ.

— Скорѣй, скорѣй—опоздаешь! Народъ ждетъ!

Павель Петровичъ протянулъ руку за сапогомъ, и—вдругъ все вспомнилъ. Онъ вспомнилъ, что онъ уже не священникъ, а простой человекъ-жиряникъ, какъ всѣ прочіе. И это его нынче удивило. Онъ умылся и сталъ на молитву.

Молитву Павель Петровичъ вычиталъ всю, и даже утреннее правило готовящагося священника—молитвы предъ Причастіемъ. Онъ молился усердно, какъ никогда. Какое-то просвѣтлѣніе наполнило его душу. Онъ повеселѣлъ, какъ бывало во время священства.

Утренняя уже кончилась. Благовѣстили къ обѣднѣ, когда онъ вышелъ изъ дома и пошелъ въ церковь. Свѣжокъ мороза стоялъ. Надъ землей подымалось утреннее солнце. По дорогѣ встрѣтился Михай Захарычъ—старикъ, мужикъ, любившій Зарѣченскаго взаимно.

— Отецъ Павель!—подошелъ онъ и снялъ шапку.

Зарѣченскій началъ было благословлять его по привычкѣ, и остановился.

— Смѣшалъ ты меня, Михай Захарычъ, право. Хотѣлъ было тебя благословить по-старому.

— И благословиль-бы!.. Что тутъ?—сказаль Михай Захарычъ.—Ты для насъ, для простыхъ мужиковъ, такой-же попъ. Любимъ мы тебя, вотъ что! А за что любимъ? За то, что-хорошій человекъ, простой, душевный... Да что! Ты для насъ лучше много попа.

— Нѣтъ. Михай Захарычъ, напрасно. Не говори такъ. Нѣтъ на мнѣ теперь священства. Такой-же я человекъ, какъ и ты. Простой мирянинъ. Благодать снята и другому дадена... Грѣшнѣе всякаго сталъ. Вы никто отъ Бога не отказываетесь. А я—грѣшникъ: отъ служенія Ему отказался!.. И—чего ради? Мирскихъ ради удовольствій. Вотъ я-какой! А ты говоришь—я попъ!

— А я тебѣ вотъ что на это скажу, о. Павелъ. Можетъ, не такъ разсужу, тогда прости меня, стараго дурака. Что чувствую, то и говорю. Другой-то... Онъ, можетъ, грѣшнѣй тебя, недостойнѣй тебя передъ Богомъ-то будетъ! Ты Его милосердна мысли-то знаешь? Нѣтъ. Вотъ то-то и оно-то!.. Тебѣ-то вотъ, жена умерла,—учительша понравилась, что дѣтей-то нашихъ учить. Ты на чистоту, жениться на ней и вздумалъ. Только на тебѣ и грѣха! Вина ты не пьешь; насъ, мужиковъ, жалѣешь; законъ признаешь. А другой-то—новый-то попъ-онъ и пьяница, и, при живой женѣ, за черничками нашими бѣгаетъ, и всякое безобразіе творить. Какой-же онъ послѣ того—попъ?

— Не осуждай, Михай Захарычъ, не осуждай. Никого не осуждай, а тѣмъ паче отца своего духовнаго, священника.

— Я ему, батюшка, не въ осужденіе. Я—къ слову. Говорю—прости меня грѣшнаго... Къ слову я.

— Никогда осуждать не надо. А потому и то. Какой-бы то онъ ни былъ, намъ что? На немъ—благодать, на мнѣ ея-нѣтъ.

Капуть! Не пошь я,—говорилъ Павелъ Петровичъ, а самъ про себя тоже думалъ: какой-же онъ-пошь?

5.

Въ церкви Зарѣченскій думалъ о томъ-же. —Какой-же пошь преемникъ его—о. Иванъ? И какъ часто бываетъ тутъ, въ церкви, на досугъ—не за молитвой, а за думой,—пришло ему и оправданіе.

— Господи! кого осужду? *его-ли?* немощь-ли человѣческую слабость-ли непосильную? Все-же онъ держится Тебя, Господи! не отпадаетъ, не отступаетъ. Упадетъ,—подыметъ, опять бредеть къ Тебѣ, Господи... А—я?...—Что-же онъ? И Иуда, хотя и предатель, все-же апостоль былъ! И онъ—апостоль Твой, Господи! И какъ апостоль, и Иуда бѣсовъ изгонялъ, недужныхъ свободяя.

„Господи, и бѣси намъ повинуются“,—вспомнились ему слова апостоловъ. Вѣдь, тутъ, среди нихъ, навѣрное, и Иуда былъ. И Иуды бѣсы страшились! И Каиафа первосвященникъ тожь. Господа на смерть осудилъ, и въ ту же минуту, осѣненный Духомъ Святымъ, по священству своему, предсказалъ что-то. И апостоль Петръ—слезами омочилъ отреченіе свое. Что-же я-то!..

Вотъ онъ служить, о. Иванъ. И, навѣрное, сознавая свою грѣховность, плачетъ предъ Престоломъ, у Ногъ Божіихъ и молить даровать ему безгрѣшное священнодѣйствіе.

Вспомнилось тутъ Павлу Петровичу, какъ онъ читалъ когда-то у св. отцовъ, что, при недостойнствѣ священства, ангелы за священника творять Святую Тайну.

И, задумавшись о священнодѣйствіи, Павелъ Петровичъ вдругъ, въ отвѣтъ на пѣніе пѣвчихъ, обернулся назадъ и благословилъ народъ.

— Миръ всѣмъ!—сказалъ онъ, и хлопнулъ себя по башкѣ. — Ахъ, я-разстрига, разстрига!

Кое-кто засмѣялся. Зарѣченскій покраснѣлъ и поспѣшилъ скрыться въ маленькомъ придѣлѣ, сбоку храма. Тамъ онъ упалъ на колѣни, и всю службу, не поднимаясь съ колѣнъ, проплакалъ.

Пѣли трогательный медленный причастный стихъ, и онъ вспоминалъ—какъ каждое Воскресеніе, каждый праздничный день онъ въ эту святую минуту соединялся со Христомъ во св. Причастіи...

6.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ была свадьба. Пьяный о. Иванъ вѣнчалъ Павла Петровича и Союю Иваницкую. Во время брака о. Иванъ попытался сказать молодымъ рѣчь—и сбился, замаялся, ничего не вышло.

Павель Петровичъ вспомнилъ свое время, когда онъ тоже говорилъ экспромты. И въ данную минуту ему хотѣлось сказать рѣчь не себѣ и супругѣ, а тѣмъ, стоявшимъ здѣсь и окружавшимъ ихъ, бывшимъ прихожанамъ, о томъ, какъ вести себя надо на этомъ св. таинствѣ.

Господь не для потѣхи освятилъ его. Не на пустое зрѣлище. Не для пустыхъ рѣчей, усмѣшекъ и пересудовъ и не для грызки сѣмянъ. Нѣтъ, не на то Богъ учредилъ это таинство,—горѣло сердце Зарѣченскаго.

На это великое таинство Самъ Богъ пришелъ. *При Божь* позволительны-ли всѣ эти безпорядки?.. Богъ освятилъ веселіе. Зачѣмъ-же грязнить эту святость?.. Благословилъ вино. Вино-ли? Не чашу-ли вина, —эмблему жизни человѣческой?..

И горѣло сердце Зарѣченскаго, трепетало оно...

— Господи! что я?—остановилъ себя онъ.—Теперь я не въ правѣ такъ и думать. Теперь это уже-осужденіе ближняго, а не мое право. Смириться надо.... А теперь бы я сказалъ!.. Господи, прости меня!

И онъ весь перенесся въ тайну священнодѣйствія.

Ихъ поздравляли. Лучъ солнца билъ въ иконостасъ и тамъ догоралъ. Соня смѣялась.

На улицѣ морозило.

7.

Къ Павлу Петровичу мужики не переставали ходить. Онъ ихъ лечилъ. Всмотриваясь въ ихъ жизнь, Павелъ Петровичъ увидѣлъ, чѣмъ себя пользовали мужики и бабы отъ болей и ранъ. Онъ отстранилъ, какъ могъ, ихъ средства, выписалъ лечебный журналъ и помогалъ, чѣмъ могъ, крестьянамъ. И крестьяне шли къ нему. Средства его были чудесны. Больные рѣдко выходили отъ него неизлеченными.

— Буду я учиться. Пѣду я въ университетъ. Медикомъ буду,—сказалъ онъ Сонѣ.

— И отлично!—А я-на курсы! Средства есть....

Однажды Зарѣченскаго позвалъ на домъ мужикъ. Землю ужъ покрылъ снѣгъ. Щеки румянилъ морозъ. Павелъ Петровичъ одѣлся потеплѣе и пошелъ. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами. Это былъ первый молодой снѣгъ, сквозь который пробивалась еще зелень. Солнце совсѣмъ не грѣло. Казалось, что оно было втиснуто въ природу для красоты.

Мужикъ повелъ Павла Петровича къ сосѣду. Сосѣдъ везъ дрова, поскользнулся и упалъ, а на него свалился возъ дровъ и придавилъ его. Онъ былъ еще живъ, но смерть ждала его съ минуты на минуту.

— Я ничего не могу подѣлать,—сказалъ Зарѣченскій.—Онъ сейчасъ умретъ. За о. Иваномъ послали!

Баба завyla. За ней другая, третья... Откуда онѣ и набрались?

— И на кого ты насъ покидаешь?—заголосила крестьянка съ груднымъ ребенкомъ...

Зарѣченскій нахмурился... Его горло сжало спазмой. Онъ перемогся, и снова спросилъ.

— За о. Иваномъ послали?

— Батюшка спрашиваетъ—за багюшкой послали?—начали спрашивать баба у бабы. Кто-то сказалъ: поѣхали.

— Да что за нимъ ѣхать-пьяный лежитъ!

— Въ сосѣднее село поѣхали!..

— Скорѣй-же, скорѣй!—Хоть къ кому-нибудь—сказаль Зарѣченскій.—Смотрите—онъ кончается.

— И впрямь—замѣтила старуха. Бабы заголосили опять. Къ нимъ пристали ребята.

Павель Петровичъ сталъ было ихъ утѣшать, да самъ разрыдался. Онъ поспѣшно вышелъ изъ хаты.

— Какой былъ попъ хорошій,—послышалось вслѣдъ,—жалостливый!..

Дворъ, улица, крыши домовъ—всѣ были сплошь покрыты снѣгомъ. Изъ воротъ выѣхали сани, мужикъ поклонился барину, и сани легко и свободно покатались по первопутку. Солнце искрилось въ колеяхъ снѣга отъ деревянныхъ полозьевъ саней.

Павель Петровичъ вошелъ къ себѣ въ комнату и долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Къ нему подошла Соня.

— Что ты такой... сказала она, и, подумавъ, добавила: скучный!

Онъ опустился на кушетку и взглянулъ ей прямо въ глаза.

— Ахъ, Соня! ты и не знаешь, какъ мнѣ хочется... Какъ мнѣ мучительно хочется—опять *священникомъ быть!*..

Соня стала его утѣшать мечтами и грезами объ университетѣ... Зарѣченскій слушалъ и—не утѣшался..

— Нѣтъ, Соня! мнѣ бы не въ университетъ... Мнѣ бы опять *священникомъ быть*,—повторилъ онъ...

Свящ. Ник. Реморозъ.

Какое добро для прихода может сдѣлать христіански-просвѣщенная матушка?

(Продолженіе).

III.

Пришла кухарка и зачѣмъ то позвала матушку въ кухню. Капитолина Дмитриевна осталась одна. Она соображала все сказанное, и ей не хотѣлось, чтобы это было именно такъ. Она обвела глазами комнату и почему-то произнесла: „какъ уютно“. Какъ будто у ней въ домѣ не уютно. Она встала и прошлась. Затѣмъ опять сѣла и рѣшила сдѣлать еще возраженіе. А пока что, взяла разсматривать и безъ того знакомый альбомъ.

— Нѣтъ, Надежда Семеновна, когда она возвратилась изъ кухни, говорила Капитолина Дмитриевна, — я все-таки съ вами не согласна.

— Почему же? — спросила Надежда Семеновна.

— Да опять все потому, что ужъ слишкомъ обидно за русскую женщину. Вѣдь она, кромѣ горшковъ да печки, ничего не знаетъ. Было время, когда сперили изъ-за того — человекъ ли женщина? Теперь, слава Богу, признали насъ за людей. Но только правъ человѣческихъ намъ не дали.

— А что будутъ дѣлать наши сельскія женщины съ тѣми правами, которые вы имъ собите, когда онѣ въ волостное правленіе боятся сходить. Вы вотъ толковали про женскій съѣздъ. А знаютъ ли про этотъ съѣздъ наши бабы? Вы спрашивали когда-нибудь объ этомъ своихъ зарѣченскихъ женщинъ?

— Нѣтъ, — сказала Капитолина Дмитриевна и сконфузилась. — Правда, она какъ-то упустила изъ виду поговорить хоть разъ по этимъ вопросамъ съ женщинами. Больше она судила по себѣ да по газетамъ.

— Ну, вотъ видите ли, — сказала Надежда Семеновна.

— Я увѣрена, что про этотъ сѣвздъ никто изъ вашихъ и изъ нашихъ женщинъ даже не слыхалъ. Да чего про сѣвздъ!.. Про Думу-то не знаютъ. Гдѣ ужъ имъ разбираться въ социаль-ныхъ вопросахъ. Онѣ еще до этого не доросли. Можетъ быть, придетъ время, когда онѣ будутъ посознательнѣй, и тогда эта самая эмансипація не будетъ казаться абсурдомъ. Но теперь поло-жительно невозможно требовать этого.

— Ну, хотя бы на счетъ семейныхъ правъ чего-нибудь сдѣлали,—продолжала Капитолина Дмитріевна.—А то вѣдь она и тутъ раба.

— Нѣтъ, не права,—отвѣчала Надежда Семеновна.

— Сельскія женщины въ семейныхъ вопросахъ, мнѣ ка-жется, не только уравнины, но имѣютъ чуть ли не первенство. Послушайте вы когда-нибудь семейные совѣты крестьянъ, и вы убѣдитесь въ этомъ. Мужъ ни одинъ важный вопросъ не рѣша-етъ окончательно безъ жены. Онъ прямо заявляетъ: „Погоди, посоветуюсь съ бабою, какъ скажетъ она“. А по части воспи-танія дѣтей она прямо хозяйка. Отецъ-крестьянинъ всегда отсы-лаетъ ребенка къ матери: „ступай къ матери, заявляетъ онъ обра-щающемуся къ нему ребенку, — она какъ хочетъ“... И идетъ дитя къ матери.

— Знаете ли, Капитолина Дмитріевна, отчего все это у васъ происходитъ,—вдругъ оборвала Надежда Семеновна свое направление мысли и встала со стула и начала ходить.—Вы просто скучаете отъ бездѣлья. Вы извините меня, что я такъ безцеремонно говорю. Это вѣрно. Будь у васъ, какъ я уже го-ворила, человекъ пять дѣтей, вы бы не заикнулись объ этихъ политическихъ правахъ. И я бы всѣмъ безлѣтнымъ матушкамъ вотъ что посоветывала бы сдѣлать: живемъ мы всѣ среди наро-да, темнаго народа, ошущю идущаго въ невѣдомую для него даль. Этотъ народъ нуждается въ руководительствѣ, въ помощи, въ совѣтахъ—чуть ли не на каждомъ шагу. И если вы хотите

идеальничать, такъ вотъ вамъ величайшій просторъ открывается для вашихъ способностей. Идите и работайте! Вы думаете, нечего дѣлать? Жестокое ошибаетесь. Дѣловъ много. Только надо умиѣть дѣлать. Тамъ больная Марья; тамъ послѣ родовъ накормили сырою капустою Дарью; тамъ макомъ какииъ-нибудь на-кормили малыша, чтобы онъ спалъ, не подозрѣвая, что этимъ они могутъ его отравить; тамъ сосѣдка твоя, мучаясь отъ какой-нибудь болѣзни, идетъ, вмѣсто врача, къ какой-нибудь бабкѣ—шештунѣ; тамъ еще какую-нибудь несуразность творять, благодаря своему невѣжеству. Все это надо устранить. И можно. Да потому школа... Выпросите у своего о. Павла одинъ часъ послѣ всѣхъ уроковъ и занимайтесь тамъ. Дѣвочекъ можно учить шить, вязать и еще какой-нибудь женской премудрости; мальчикамъ можно толковать опять все объ этихъ самыхъ суевѣрiяхъ, отъ которыхъ никакъ не могутъ отрѣшиться ихъ отцы и матери. Нарисуйте имъ эту картину, сравните ихъ съ дикарями въ данномъ случаѣ, и они поймутъ. Да и какъ не найти работы! Кто работать хочетъ тотъ не на трибуну долженъ спѣшить, а внизъ, къ люду. Мало, ли о чемъ можно толковать. Учите ихъ всему, что сами знаете. Рассказывайте имъ про разныя страны, гдѣ какъ живутъ, что дѣлаютъ, какъ раньше жили, какъ теперь живутъ и почему такъ теперь стали жить. Лѣчите народъ, лѣчите большихъ и малыхъ. Учите самихъ лѣчить. Лѣчите главнымъ образомъ душу. Вѣдь если говорить, что въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа, то другая половина этой истины заключается въ обратномъ. Рассказывать, разъяснить, ободрить, внушить иногда много значить. Вотъ и работа.

(Продолженiе будетъ).

Умершiе близки къ намъ.

Много на мою долю выпало тяжелыхъ утратъ; много горя пришлось пережить. Рядъ близкихъ, дорогихъ могилъ..... Болѣзни

меня преслѣдовали. Наконецъ, моя чуткая, впечатлительная натура меня заставляла на каждомъ шагѣ болѣть и душой.... Жизнь казалась тяжелою крестною ношей, и я чувствовала себя до того истомленной, что желаніе перестать существовать во мнѣ развилось въ идею факсъ. Я стала задумываться о самоубійствѣ.... И наконецъ остановилась окончательно на мысли покончить съ собой. Но меня какъ-то потянуло поѣхать погостить къ моей любимой подругѣ. Хорошая женщина дѣлала все, чтобы меня примирить съ жизнью: она развлекала меня всячески—то гостей пригласить, то меня поведетъ на людѣ; то на лодкѣ катаемся по Волгѣ. Подруга жила въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ. Она старалась меня „согрѣть“ своими привѣтомъ и лаской: меня не оставляло чувство страха передъ чѣмъ-то невѣдомымъ. Много лѣтъ меня преслѣдовали страшныя галлюцинаціи. Я не могла одной минуты остаться въ комнатѣ въ сумеркахъ одна: то я видѣла чей-либо двойникъ, то какое-либо ужасное видѣнье. Рожденіе моего единственнаго ребенка сопровождалось появленіемъ черной тѣни. Смотря на меня свѣтящимися глазами, высокая черная тѣнь медленно подвигалась ко мнѣ, кутаясь въ черную мантию. И это было при свѣтѣ лампы, когда я только что легла въ постель, поздно вечеромъ, вернувшись изъ гостей въ самомъ благодушномъ настроеніи. Тутъ-же вскорѣ начались роды. Ребенокъ родился здоровымъ мальчикомъ, но мой испугъ передался ему: при видѣ призрака, я въ ужасѣ закрыла лицо руками и почти безумно вскрикнула, привлекая вниманіе домашнихъ. Былъ приглашенъ акушеръ. Онъ нашелъ ребенка очень слабымъ, совѣтовалъ его скорѣе окрестить: его была младенческая. Малютка промучился пять дней и тихо отошелъ въ вѣчность, окрещенный, послѣ принятія Св. Даровъ, какъ его только принесли изъ церкви. И странное совпаденіе: акушеръ, его принимавшій, и его оба воспріемники вскорѣ были взяты ранней могилой!.. Помощь отъ земныхъ друзей мнѣ была дана, но она не имѣла силы! Нежданно

для меня я получила дѣйствительную помощь съ того свѣта.

Вотъ какъ это было.

Въ семьѣ моихъ родителей доживалъ свой вѣкъ бывшій дворовый крестьянинъ покойнаго дѣда. Онъ умеръ въ нашемъ домѣ семидесятилѣтнимъ старцемъ. Въ нашей семьѣ онъ пользовался большимъ расположеніемъ. Ему довѣрили все хозяйство. Но покойный Антонь Федоровичъ былъ человѣкъ рѣдкой честности. Онъ былъ къ намъ всемъ страшно привязанъ. Я никогда не забуду картины, когда мы съ мужемъ, только что повѣнчавшись въ имѣньи моихъ родителей, уѣзжали послѣ свадьбы. Антонь Федоровичъ и старушка няня, тоже изъ бывшихъ дворовыхъ, долго, долго провожали насъ глазами, горько плача.. Наша усадьба вся на горѣ, а дорога внизу. Съ полверсты уже мы отъѣхали на домашней тройкѣ, направляясь къ желѣзно-дорожной станціи, а старички все еще стояли на горѣ, намъ кивая... Антонь Федоровичъ велъ жизнь монаха: строгое воздержаніе во всемъ и неустанная молитва. Кончина его была истинно христіанская. Онъ умеръ послѣ соборованія, лѣтъ болѣе 20-ти тому назадъ. И вотъ, разъ во время тонкаго сна я слышу голосъ, этого самаго Антона Федоровича. Онъ говорилъ мнѣ, и его рѣчь меня потрясла: „Опомнись, М. Н., что ты залумала. Вѣдь ты свою душу хочешь продать въ руки дьявола. Онъ сторожить тебя на каждомъ шагу, являясь тебѣ въ различныхъ образахъ. Этими видѣніями онъ тебя преслѣдуетъ. Всѣ твои родные и близкіе были вѣрующими и умѣли мириться съ волею Вожеіей! А что ты затѣяла! Я страдаю за тебя и умолилъ Господа допустить меня до тебя, чтобы вырвать тебя изъ рукъ сатаны. И если ты не хочешь, что-бы на тебя обрушивались всякія несчастья, ты непрестанно молись, молись, когда тебѣ будетъ чрезмѣрно тяжело: Господь облегчитъ твою жизненную ношу. Научись терпѣть, мы, твои близкіе, всѣ страдали. Чѣмъ тяжелѣе земная жизнь, тѣмъ лучше здѣсь, у насъ. О, если бы вы, смертные, знали, какъ здѣсь хорошо, вы не

радѣли—бы такъ о вашихъ земныхъ радостяхъ!“ Антонъ Федоровичъ потребовалъ съ меня исполненіе клятвъ: 1) навсегда отречься отъ мысли о самоубійствѣ; 2) никогда не пить ни одной капли ни вина, ни пива. Послѣднее предупрежденіе мнѣ было сдѣлано впоследствии лучшими докторами для обереженія моихъ больныхъ нервовъ. Я отказалась дать клятву оставить одно пріятіе, стоившее мнѣ, впоследствии, потери всего состоянія и новаго сильнаго нервнаго потрясенія, а также-дальнѣйшихъ неприятностей.

Послѣ того, какъ я поклялась отказаться отъ самоубійства, у меня прошелъ всякій страхъ и видѣнія прекратились. Но мнѣ внушено вѣрить въ силу молитвы, ограждающей отъ приближенія злой силы. Благодаря этому чудесному явленію изъ загробнаго міра, я теперь укрѣпилась въ вѣрѣ и вмѣсто того, чтобы предаваться унынію, когда обрушится какой либо ударъ, я иду въ храмъ Божій и всегда прихожу изъ храма съ обновленной душой и съ новыми нравственными силами, готовая встрѣтить „девятую волну“ съ непоколебимой бодростью.

Не по моимъ грѣшнымъ молитвамъ мнѣ ниспослалъ Господь эти милости, но по молитвамъ и заслугамъ моихъ близкихъ, умершихъ истинными христіанами и молящихся теперь обо мнѣ. По преданію церкви, извѣстны многіе случаи общенія умершихъ съ живыми по особому соизволенію Божію. Такъ какъ я была близка къ отчаянію и уже была готова погубить свою душу, то молитвами моихъ близкихъ, усопшихъ, Господь спасъ меня „Имже вѣсть судьбами“. Предо мною раскрытое Евангеліе. Я читаю Новый Заветъ: Дѣяніе Апостоловъ Гл. 2, 17—18—19 и первое посланіе къ Коринѳянамъ Св. Апостола Павла Гл. 12, 7—8—9—10 доказываютъ возможность общенія духовъ, по соизволенію Божію, съ нами живыми, людьми. Но вѣдь это можетъ быть дано только какъ особенный даръ Божій! Быть можетъ теперь, какъ это можно основать на выше мною приведенныхъ

Евангельскихъ текстахъ *въ послѣдніе дни* Господь сдѣлалъ для людей болѣе доступнымъ общеніе съ умершими для укрѣпленія вѣры въ загробный міръ, что соединено съ познаніемъ Бога. Явленія умершихъ допускаются по особому промыслу Божию, какъ милость, ради особенныхъ заслугъ предъ Богомъ нашихъ близкихъ, „со духи праведныхъ скончавшихся“.

М. А—ва.

„Огнеупорный поселокъ“ на Казанской выставкѣ.

Лицамъ, желающимъ познакомиться съ различными сторонами сельско-хозяйственной, мелкой и отчасти крупной промышленной жизни, съ различными видами огнестойкихъ построекъ, съ пчеловодствомъ, не бесполезно посѣтить Казанскую выставку, гдѣ всѣ эти стороны жизни въ ихъ развитіи и современномъ состояніи иллюстрируются разнообразными экспонатами и діаграммами. Приятное путешествіе на прекрасныхъ Волжскихъ пароходахъ и личное знакомство съ разнообразными экспонатами, несомнѣнно, вознаграждать тѣхъ, кто стоитъ близко или интересуется указанными выше сторонами жизни, за время, потраченное на поѣздку, и расходы, связанные съ послѣдней.

Выставка расположена на окраинахъ города, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ „Русская Швейцарія“.

При входѣ на нее бросаются въ глаза, прежде всего, ряды павильоновъ, которые (нѣкоторые особенно выделяются по красотѣ) въ общемъ производятъ съ внѣшней стороны благопріятное впечатлѣніе. На одной площади съ ними находятся и мѣста для развлечения: открытая площадка со скамьями и раковиной для ежедневныхъ симфоническихъ вечеровъ, циркъ, первоклассный ресторанъ, биоскопъ и другія мелкія развлечения. Устроены также приспособ-

ленія для катанія съ горъ на лодкѣ прямо въ бассейнъ, какъ въ Америкѣ, но этого рискованнаго катанія не рѣшаются допустить. Предполагается въ концѣ сезона еще полетъ аэростатовъ.

Выставка открыта съ 1 іюня и будетъ продолжаться до 1 сентября; время для обозрѣнія ея отъ 9 утра до 7 в. Не имѣя возможности ознакомить читателя Еп. Вѣд. со всеми сторонами жизни, представленной на выставкѣ, я хотѣлъ бы обратить вниманіе и ознакомить кратко съ огнестойкими постройками, демонстрированными наглядно на ней. Имѣть представленіе объ этого рода постройкахъ весьма важно. Извѣстно всѣмъ, что „красный пѣтухъ“ любитъ гулять по великой Россіи, особенно лѣтомъ. Высчитываютъ, что вся „деревянная“ Россія сплошь выгораетъ за 20 лѣтъ и народъ нашъ простой по невѣжеству своему несетъ ежегодно убытокъ на дѣляхъ сотни милліоновъ рублей. А сколько горя, ужасовъ приходится переживать при ужасныхъ пожарахъ, часто возникающихъ отъ неосторожности какого—л. мальчика или старушки, остающихся одинокими изъ всей деревни, уѣхавшей на покосъ или жатву, или по волѣ злого человѣка. Какія картины ужаса и беспомощности приходится переживать всѣмъ: сегодня богатъ, а завтра голъ, сегодня—теплый уголь, а завтра—подъ открытымъ небомъ; сегодня дѣль пріютъ, а за завтрашній день ручаться нельзя. Отъ этихъ картинъ ужаса и беспомощности, отъ этихъ страховъ за будущее могутъ освободить только огнестойкія постройки, знать которыя и умѣть ихъ дѣлать давно слѣдовало бы нашему мужику. Къ тому же, огнестойкія постройки даже дешевле по матеріалу и проще по устройству и красивѣ нашихъ деревянныхъ зданій. Познакомить въ общихъ чертахъ съ разными видами огнестойкихъ этихъ построекъ, демонстрированныхъ на выставкѣ,—вотъ ближайшая дѣль моей замѣтки. Тѣ, которые будутъ интересоваться этими постройками, найдутъ болѣе подробныя свѣдѣнія въ брошюрахъ, ниже указанныхъ и находящихся при редакціи, или чрезъ справки у Новгородскаго Губ. Земства, у г. Невѣровича и у фирмы Петербургской В. Ротеръ в К^о.

При входѣ на выставку прежде всего бросается въ глаза „огнеупорный поселок“, состоящій изъ 4 огнестойкихъ построекъ, расположенныхъ по обѣ стороны входа. На первомъ мѣстѣ, влѣво отъ входа стоитъ постройка Новгородскаго Губ. Земства. Земство это является энергичнымъ проводникомъ знаній по возведенію огнеупорныхъ сельскихъ построекъ и свой опытъ въ этомъ отношеніи демонстрируетъ на крестьянской избѣ съ навѣсомъ, которая по своему матеріалу для огня недоступна.

Въ цѣляхъ демонстраціи разныхъ видовъ огнестойкаго матеріала, стѣны этой постройки состоятъ изъ разныхъ по матеріалу частей: одна часть стѣны—плетневая, другая—изъ обыкновеннаго кирпича, третья—изъ дикаго камня, четвертая—деревянная, изнутри оштукатуренная, а извнѣ обитая черепицей; пятая—саманная и шестая—известково-песчанобитная. (Всѣ эти постройки лучше всего строить на прочномъ фундаментѣ). Плетневая стѣна сооружается такъ. На фундаментѣ по плану зданія кладется обвязка изъ 4 вершк. бревень, окантованныхъ съ двухъ сторонъ. По угламъ ея ставятся столбы отъ 5—6 вершк. высотой по высотѣ зданія; сверху также дѣлается обвязка изъ бревень, а на мѣстѣ оконъ и дверей ставятся стойки для оконныхъ переплетовъ и дверей. Жерди около $1\frac{1}{2}$ вершк. толщиной, на разстояніи 5 вершк. одна отъ другой, вставляются въ углубленія въ верхней и нижней обвязкахъ (или шпунты) и затѣмъ оплетаются прутьями на подобіе деревенской изгороди. Во время плетенія прутья осаживаются плотно деревянной колотушкой или топоромъ. По окончаніи плетенія для стѣнъ на верхнюю обвязку кладутъ потолочныя балки съ боковыми пазами; затѣмъ жерди для потолка въ $\frac{1}{2}$ вершка толщиной укрѣпляются въ этихъ балкахъ на разстояніи одна отъ другой въ $\frac{1}{2}$ арш. и оплетаются такъ же, какъ и въ стѣнахъ. Поверхъ всего этого ставятъ стропила. Фронтоны тоже могутъ быть плетневые. Крыша въ этихъ постройкахъ покрывается тотчасъ послѣ плетенія; уже послѣ покрытія ея смазываются потолокъ, стѣны, фронтоны. Смазка потолка производится слѣдующимъ образомъ. Дѣлаютъ растеоръ глины погуше

сливокъ, прибавляютъ немного песку и извести и этимъ составомъ пропитываютъ мохъ, которымъ выстилаютъ потолокъ, толщиною отъ 2—3 вер. съ утрамбовкой до утомленія. При просушивъ трещины замазываются тощей глиной. Стѣны обмазываютъ 3-жды. Для первой обмазки берутъ густой растворъ глины съ крупнымъ пескомъ (песку берется 3 части на 1 часть глины жирной и 2 части песку на 1 ч. глины тощей), а для 2 и 3 обмазки берутъ густой растворъ, состоящій изъ 1 части глины, 2-хъ частей песку и 1 части сухого мха. Образующіяся при обсыханіи трещины замазываютъ тощимъ растворомъ глины, мха и песка и затираютъ тощимъ глинистымъ растворомъ. Толщина стѣнъ достигаетъ 12—16 вер., а для хозяйственныхъ построекъ до 6 вер. Пѣбѣлка происходитъ такъ. Берутъ по равной части негашеной извести и кирпичнаго порошка, раствореннаго въ водѣ, известь размѣшиваютъ съ порошкомъ, послѣ чего растворъ этотъ оставляютъ на сутки и затѣмъ два или три раза бѣлятъ.

Этого рода постройки распространены на югѣ и служатъ даже для жилья, хотя на сѣверѣ для жилья мало пригодны, такъ какъ разрушаются скоро. Онѣ отличаются огнестойкостью, дешевизною и простотою по устройству.

Постройки изъ самана (кирпичи изъ глины, перемѣшанной съ соломой, верескомъ, сухими листьями, сухимъ мхомъ, сухой болотной травой) выгодны и отличаются отъ другихъ долговѣчностью, негорюемостью и *малой* теплопроводностью, а также тѣмъ, что эти постройки можно возводить въ любое время года и можно занимать ихъ подъ жильемъ безъ опасенія сырости въ нихъ. Саманная стѣна толщиною въ 13 вершк. по теплопроводности соответствуетъ кирпичной стѣнѣ толщиною въ 16 вершк. Саманный кирпичъ отличается достаточной прочностью и изъ него можно дѣлать даже двухъ-этажныя постройки. Для долговѣчности и теплоты этихъ построекъ важно, чтобы саманный кирпичъ былъ сдѣланъ хорошо и приняты были мѣры, чтобы вода не смачивала его. Поэтому крыша на этихъ постройкахъ должна не промокать, а

самыя стѣны съ вѣшной стороны должны быть лучше защищены отъ воды или тесомъ, или штукатуркой, известковымъ растворомъ. Въ цѣляхъ же предохраненія отъ сырости низовъ стѣнъ, а также устраненія опасности отъ мышей и крысъ, лучше устраивать высокіе цоколя. Способъ приготовленія хорошихъ саманныхъ кирпичей можно найти въ брошюрѣ „Мѣропріятія Новгородскаго Губернскаго Земства противъ пожаровъ. Школа сельскаго огнестойкаго строительства и печного мастерства“. (Стр. 7—9. Цѣна 10 коп. При редакц. имѣется). Много саманныхъ построекъ сдѣлано въ губ.: Новг., Моск., Пермск., Калужск., Минской, Тульской. Саманныя постройки, какъ показалъ опытъ, *вполнѣ* удовлетворительны для крестьянина, теплы, негоряемы и технически доступны каждому сельчанину. (Ibid. 9 стр.).

Песчанобитныя постройки требуютъ надежнаго фундамента, который можно дѣлать изъ булыжнаго камня, бутовой плиты, желѣзняка или бетона. Цоколь долженъ быть надъ поверхностью земли не менѣе 8 вершк. Способъ для приготовленія этого рода построекъ, наиболѣе лучшихъ, слѣдующій. Приготавливаютъ прежде всего щиты изъ двухъ досокъ толщиной въ $2\frac{1}{2}$ или 2 дюйма, которыя сколачиваютъ вмѣстѣ на шпонки. Стороны щита, прилегающія къ стѣнѣ, строгаются, чтобы потомъ легче было отнимать ихъ отъ массы стѣнной и чтобы стѣна выходила ровнѣе. Доски эти при самомъ процессѣ постройки сжимаются снизу и сверху брусками, которые на концахъ своихъ имѣютъ зарубки, разстояніе между которыми равно толщинѣ стѣны. Нижніе бруски (сжимы) дѣлаются клинообразными и гладкими, чтобы затѣмъ ихъ легче можно было выбивать изъ стѣны. Благодаря имъ, стѣны имѣютъ отверстія, чрезъ которыя онѣ скоро и хорошо просыхаютъ во всю толщину. Щиты при постройкѣ устанавливаются по уровню прямо на цоколѣ и постепенно поднимаются по мѣрѣ роста высоты стѣны.

Для приготовленія песчанобитной массы употребляется слѣдующій составъ: чистаго крупнаго песку—3 части, известковаго тѣста—1 часть, щебенки кирпичной мелкой—4 части., портланд-

саго цемента— $\frac{1}{20}$ часть. Сухой песокъ смѣшиваютъ сперва съ цементомъ, затѣмъ съ известковымъ тѣстомъ, пока не получится однородная сѣрая масса, которая смѣшивается затѣмъ съ облитымъ водою щебнемъ. Эту массу насыпаютъ въ щиты, утрамбовываютъ до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается твердой, а затѣмъ щиты передвигаютъ кверху и такъ продолжаютъ дальше.

Эти постройки негоряемы, недороги и долговѣчны. Стоимость одной квадратной сажени стѣны обходится отъ 7 р. 22 к.—21 р. 44 к. Съ 1898 г. по 1907 г. въ Новгород. губ. возведено построекъ этого рода 31.

Постройки изъ бумажнаго камня или дикаря бываютъ большею частью не жилыя, а хозяйственныя, такъ какъ камень отличается большей теплопроводностью. Наружныя стѣны жилыхъ построекъ этого рода дѣлаются изъ двухъ стѣнокъ—кирпичной и каменной, съ воздушнымъ между ними прослойкомъ, и связанныхъ между собой или кирпичемъ, или желѣзными скобами. При кладкѣ стѣны изъ дикаря на твердомъ фундаментѣ или цоколѣ необходимо: а) брать камень колотый, составляя рядъ изъ одинаковыхъ по высотѣ камней, причемъ наружныя поверхности веси по шнуру и отвѣсу; б) перевязывать швы и класть въ нихъ щебень прочно. Растворъ для кладки стѣны употребляется обыкновенный, известковый, съ небольшою прибавкой цемента. Толщина стѣны нежилыхъ построекъ не менѣе 9 вершк. Постройки этого рода негоряемы, долговѣчны, сухи и дешевы очень тамъ, гдѣ много камня.

Жилыя сельскія постройки изъ обыкновеннаго кирпича возводятся такъ же, какъ и городскія, поэтому онѣ всѣмъ почти извѣстны. Въ цѣляхъ предохраненія деревянныхъ построекъ отъ пожаровъ, ихъ обшиваютъ съ наружной стѣны кровельной черепицей. Последняя прибавается къ деревянной стѣнѣ, предварительно стесанной до ровной поверхности, двумя трехъ-дюймовыми проволочными гвоздями чрезъ два отверстія, сдѣланныя въ верхнемъ фалицѣ ея (череницы). Обшивка начинается съ нижняго

вѣнца постройки и идетъ постепенно кверху. При работѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, чтобы черепица плотно прижималась и пришивалась, иначе вѣтеръ будетъ беспокоить жильцовъ. Стоимость обшивки одной квадратной сажени будетъ приблизительно около 2 р. 50 к.—3 р. Такая обшивка придаетъ избѣ красивый видъ и дѣлаетъ ее несгораемой и долговѣчной.

Крестьянская изба, Новг. губ. Земства, стѣны которой построены изъ 6-и упомянутымъ сейчасъ способомъ, покрыта крышей черепичной и глиносоломенной. Изъ нихъ крыша глиносоломенная по своей *дешевизнѣ*, доступности и относительной прочности наиболѣе практична для бѣднаго сельскаго крестьянина. Стоимость покрытія 1 кв. сажени такой крыши—около 40 к. Соломы ржаной требуется на 1 кв. с. около 5—6 пуд., толщина крыши бываетъ не менѣе 3¹/₂ вершк. По 1909 г. до 1 мая глиносоломенныхъ крышъ устроено въ одной только Новг. губ. на 25335 строеніяхъ 608733 кв. саж.

Черепицы на одну кв. саж. крыши идетъ 72 штуки; 1000 шт. стоитъ отъ 25 руб. до 40 р. Купить ее можно на заводахъ: Колмовскомъ близъ Новгорода, Старорусскомъ въ г. Старой Руссѣ, Крестецкомъ въ 4-хъ верстахъ отъ г. Крестецъ, Боровичскомъ бр. Ягуновыхъ въ ус. Охонлѣ. Способъ приготовленія той и другой крыши можно найти подробно въ упомянутой брошюрѣ Новг. Губ. Земства „Школа сельскаго огнестойкаго строительства и печного мастерства“ (Новг. 1909 г. ц. 10 к. 19—30 стр.).

Въ дѣлѣ пропагандированія идеи огнестойкаго строительства въ деревнѣ Новг. Губ. Земство, несомнѣнно, займетъ выдающуюся роль. Однимъ изъ важнѣйшихъ его мѣропріятій въ этомъ отношеніи является открытіе 10 мая 1905 г. „Школы сельскаго огнестойкаго строительства и печного мастерства“. § 1-й Устава школы говоритъ: „Школа огнестойкаго строительства имѣетъ цѣлью обученіе способамъ и техническимъ приемамъ сельскаго огнестойкаго строительства и печного мастерства. Кроме того, школа должна служить: а) *испытательной станціей* для производства опытовъ и разработки вопросовъ про-

тивопожарной техники (съ 1908 года при школь оборудована отчасти съ этой цѣлью механическая и химическая лабораторія) и б) *справочнымъ бюро* по подачѣ населенію, а также земскимъ и городскимъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, всякаго рода справокъ, свѣдѣній и указаній, касающихся сельскаго огнестойкаго строительства, печного мастерства и противопожарной техники“.

При школь имѣется общежитіе для учащихся, которые содержатся на средства школы и на особо пожертвованныя суммы. „Размѣръ платы за содержаніе въ общежитіи стипендіатовъ другихъ земствъ, разныхъ учреждений и частныхъ лицъ, а равно сроки взноса сей платы, опредѣляются Новгородскимъ Земскимъ Собраніемъ“ (§ 7 Устава). Въ школь два отдѣленія: строительное и печное.

„Въ школу принимаются лица всѣхъ сословій въ возрастѣ не моложе 18 лѣтъ, получавшіе образованіе не ниже курса начального народнаго училища, крѣпкаго тѣлосложенія и безъ недостатковъ, препятствующихъ занятію физическимъ трудомъ“ (§ 15).

Прощенія о приѣмѣ подаются на имя директора школы; къ нимъ прилагаются свидѣтельство объ образованіи, видъ на жителство и удостовѣреніе о припискѣ къ призывному участку (§ 16). „Ученики школы подраздѣляются на пансіонеровъ и приходящихъ. Пансіонеры, кромѣ бесплатнаго обученія, пользуются готовой квартирой и ежемѣсячнымъ денежнымъ содержаніемъ въ размѣрѣ, установленномъ Губернскою Земскою Управою. Приходящіе же пользуются бесплатнымъ обученіемъ, а содержатся на свой счетъ. Число пансіонеровъ опредѣлено на первое время въ 40 человекъ, изъ коихъ 10 принимаются стипендіатами по назначенію Министерства Внутреннихъ дѣлъ“ (§ 17 Устава). Прошедшіе 2-хъ лѣтній курсъ школы съ успѣхомъ получаютъ свидѣтельство или названіе мастера сельскаго огнестойкаго строительства или сельскаго печного мастера. Мастера эти командированы Земствомъ въ различныя мѣста своей и другихъ губерній, чтобы знакомить жителей съ огнестойкими постройками и производить эти постройки.

Рядомъ съ крестьянской избой Новг. Губ. Земства расположенъ цѣлый огнестойкій хуторъ типа Н. Г. Невѣровича. Хуторъ этотъ состоитъ изъ жилой комнаты, сѣней, клѣти, конюшни, навѣсовъ и стѣны. Выстроенъ онъ курсистами въ 10 дней. Постройки этого типа готовятся изъ глины и хвороста (сучьевъ отъ вырубки лѣса и дровъ, орѣшины, ольшины, лозъ, камыша, кукурузныхъ стеблей, соломы и т. п.) или, гдѣ глины нѣтъ, изъ бетоннаго раствора, земли и хвороста. Постройки лучше начинать съ осени, когда выбирается сухое высокое мѣсто, выводится фундаментъ и подвозится глина (на 9 арш. хату пойдетъ 6⁰—62¹/₂ куб. саж.). Зимой подвозится хворостъ, нарубаются, готовится лѣсъ, связываются косяки для оконъ и дверей. Къ кладкѣ стѣнъ слѣдуетъ приступать весной до полевыхъ работъ или тогда, когда для крестьянина время болѣе свободно. Производится кладка при помощи досокъ 5—6 вершковъ ширины, образующихъ ящикъ, который по мѣрѣ роста въ высоту стѣны поднимается все выше и выше. Хворостъ, известнымъ образомъ нарубленный (см. брошюру Невѣровича „На помощь деревнѣ. Какъ сгородить дешевую прочную и огнестойкую постройку изъ глины и хвороста“. 3-е изд. Гродна. 1909 г. ц. 40 к.), кладется почти вплотную наискось въ рядъ, который затѣмъ покрывается глиной. Второй рядъ хвороста кладется накрестъ первому и тоже покрывается глиной и т. д.

По окончаніи стѣнъ, ихъ выравниваютъ и кладутъ на нихъ вѣнецъ изъ бревна, затѣмъ врубаютъ балки, ставятъ стропила и дѣлаютъ крышу черепичную или глиносоломенную. Для устройства потолка на балки подбиваются рейки, на которыя укладываются одинаковой длины колья, обернутыя соломенными, вымоченными въ глиняномъ растворѣ, жгутами. Сверху этотъ потолокъ смазывается глиной, закладывается мхомъ и засыпается пескомъ, снизу же штукатурится глиной съ подмѣсью мякнны, гладко затирается и засыпается пескомъ. Для вентиляціи помещенія и стѣнъ устраиваютъ внутренніе тяговые каналы: верхній и нижній гори-

горизонтальные капалы и вертикальные въ простѣнкахъ съ отдушниками вверху и внизу. Чтобы придать стѣнамъ прочную наружную поверхность, можно дѣлать бетонную облицовку въ 2 вершка толщины.

Амбары, скотные хлѣва, гумна, сѣновалы и др. холодныя постройки дѣлаются такъ же, какъ и жилыя, только стѣны ихъ бываютъ не толще $\frac{3}{4}$ арш.

Особенности выгодныя этихъ построекъ слѣдующія:

1) безусловная огнестойкость, такъ какъ все дѣлается изъ матеріала негоряемаго; 2) сухость и теплота; 3) полная пригодность для всѣхъ климатовъ Россіи; 4) простота и легкость возведенія; 5) быстрота возведенія: стѣны обыкновенной хаты 6—8 рабочихъ выведутъ въ 4--6 дней; при своевременномъ заготовленіи матеріала зимой, всю постройку можно совершенно окончить въ 8—10 дней; 6) дешевизна; 7) крѣпость и 8) долговѣчность.

Со способомъ возведенія фундамента, цоколя, стѣнъ, крыши, потолка, фронтона и т. п. отлично знакомить упомянутая брошюра Н. Г. Невѣровича „На помощь деревнѣ. Какъ строить дешевую, прочную и огнестойкую постройку изъ глины и хвороста, а тамъ, гдѣ глины нѣтъ, — изъ бетоннаго раствора и полевой земли“. (Гродна 1909 г. 3-е изд. ц. 40 к.). Въ брошюрѣ много иллюстрацій, которыя помогутъ наглядно представить способъ возведенія этихъ построекъ. Брошюра эта имѣется при редакціи.

Недалеко отъ хутора Невѣровича стоитъ эффектный домикъ, построенный изъ бетонныхъ пустотѣлыхъ кирпичей товариществомъ для производства глухоозерскаго порландъ цемента, а противъ него, на другой сторонѣ главной улицы выставки, стоитъ изъ того же матеріала крестьянская изба, служащая помѣщеніемъ для демонстративной работы станковъ по выдѣлкѣ песчанцементнаго кирпича. Послѣдняя постройка экспонируется Петербургской фирмой В. Ротертъ и К^о. Обѣ постройки показываютъ, что, благодаря пустотѣлому бетонному кирпичу, можно имѣть прочную, краси-

вую, теплую и дешевую, жилую и нежилую постройку. Для жилой постройки употребляется бетонный кирпич (камень) 9 верш., снабженный 3 рядами равномерно расположенных воздушных прослоек, благодаря которым холод не может проникнуть в здание, так как неподвижный воздух в прослойках является худым проводником тепла. Для формования бетонных пустотелых камней служат машины „Роко“, „Бербено“, „Universal“. Для выделки фальцевой черепицы служит станок системы Беролина с закругленными краями. Полный комплект станков для выделки бетонных пустотелых камней и черепицы обходится:

1 форма „Роко“	165 р. — к.
1 станок „Беролина“	125 „ — „
150 штук подкладок под него по 75 к.	112 р. 50 к.
1 коньковый аппарат „Стура“	40 „ — „
Всего	442 „ 50 „

Стоимость 1 квадратной сажени стѣны для жилого помѣщенія опредѣляется приблизительно изъ простаго кирпича въ 29 р., а изъ пустотѣлыхъ бетонныхъ камней въ 15 р. 21 к.

Болѣе подробности свѣдѣнiя обо всемъ этомъ можно найти въ „Прейскурантѣ новѣйшихъ машинъ для производства строительныхъ матеріаловъ изъ песка и цемента. В. Ротертъ и Ко. Ц. 40 к. СПБ. Красносельская ул. д. № 14.) Прейскурантъ этотъ также находится при редакціи.

Содержаніе. Отдѣлъ неофициальный. I. Изъ пастырской переписки. II. Изъ быта духовенства. (Окончаніе). III. Какое добро для прихода можетъ сдѣлать христіански-просвѣщенная матушка. (Продолженіе). IV. Умершіе близки къ намъ. V. „Огненный поселокъ“ на Казанской выставкѣ.

Временно и. об. Редактора, препод. Сем. А. *Веселовскій*.

Цензоръ, Протоіерей *Петръ Успенскій*.

Печат. довол. 15 Августа 1909 года. Тамбовъ. Электро-Типографія Губ. Прав.

Частное училище

Ольги Петровны Каменевой

для первоначальнаго обученія и подготовки
дѣтей обоего пола въ средне-учебныя за-
веденія

О Т К Р Ы В А Е Т С Я

съ разрѣшенія учебнаго начальства на углу Большой и
Теплой улицъ, въ домѣ Пантелеймонова.

Пріемъ учениковъ съ 3-го августа 1909 г.

П Р И У Ч И Л И Щ Ъ П А Н С І О Н Ъ .

Съ нынѣшней осени при училищѣ будетъ открытъ для дѣ-
тей до-школьнаго возраста

Д Ѣ Т С К І Й С А Д Ъ .

Занятіями въ саду будутъ: игры, пѣсни, упражненія въ раз-
говорѣ, наблюденіе предметовъ съ точки зрѣнія ихъ цвѣта, фор-
мы, числа, роста и движенія, а также ручныя упражненія надъ
такъ называемыми „фребелевскими дарами“, разноцвѣтными ша-
рами, кубиками, дощечками и т. д.

Въ сотрудники привлечены лица компетентныя въ области обу-
ченія и воспитанія.

За справками можно обращаться по адресу: Араповская ул., д.
№ 16, квартира Каменевой, съ 11 ч. до 1 ч. дня и съ 6 до
7 ч. вечера.

О. П. Каменева.
